

Н. А. НИКИТАШИНА

**ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ
В МЕХАНИЗМЕ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Монография

КРАСНОЯРСК 2007

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

Н. А. НИКИТАШИНА

**ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ
В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Монография

КРАСНОЯРСК
СИБЮИ МВД России
2007

УДК 34

ББК 67.0

Рецензенты: Р.Н. Ибрагимов – доктор философских наук, заместитель начальника Абаканского филиала заочного обучения Сибирского юридического института МВД России;
В.В. Наумкина – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Института истории и права ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова»

Никиташина, Н.А.

Презумпции и фикции в механизме правового регулирования : монография / Н.А.Никиташина. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2007. – 108 с.

Ответственный редактор Т.Н. Радько, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России (Академия права и управления)

В монографии раскрывается сущность правовых презумпций и фикций, их юридическая природа, а также классификация, роль и место этих явлений в юриспруденции и механизме правового регулирования общественных отношений. Правовые презумпции и фикции исследуются в их взаимосвязи с другими предположениями.

Рассматриваются различные подходы к этой проблеме в отечественной юридической науке. При этом широко анализируются советское и российское законодательство, материалы отечественной и зарубежной практики.

Рекомендуется преподавателям, научным работникам, студентам и слушателям высших образовательных учреждений гуманитарного профиля.

© Сибирский юридический институт МВД России, 2007

© Н.А.Никиташина, 2007

Оглавление

Введение	5
Глава 1. СУЩНОСТЬ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ	8
§ 1. Общая характеристика правовых предполо- жений	8
§ 2. Философская и юридическая природа право- вых презумпций и фикций.....	13
§ 3. Отграничение правовых презумпций и фик- ций от сходных с ними явлений	38
§ 4. Презумпции и фикции в истории права	58
§ 5. Классификация презумпций и фикций.....	65
Глава 2. МЕСТО ПРАВОВЫХ ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ В МЕХА- НИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	82
Глава 3. СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМП- ЦИЙ И ФИКЦИЙ	89
Заключение	99
Библиографический список	101

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь бесконечно разнообразна и несовершенна, поэтому в процессе правового регулирования общественных отношений порой возникает множество нетипичных ситуаций, регулирование которых возможно только при помощи таких же нестандартных способов, к числу которых относятся правовые презумпции и фикции.

Конечно, в современный период появились множество юридических институтов, из-за своей новизны являющихся наиболее притягательными для изучения как с практической, так и с теоретической точек зрения. Но не следует, на наш взгляд, забывать, что многие правовые институты, теоретически разработанные в советской юридической науке, не потеряли актуальности, а их исследование в современных изменяющихся условиях, которые Ж.-Л. Бержель назвал «бунтом фактов против права»¹, может оказаться весьма интересным.

Как отмечает О.А. Курсова: «Изменение направлений общественного и государственного развития диктует необходимость формирования нового взгляда на возникшие ещё во времена римского права и апробированные практикой юридико-технические средства, используемые для наиболее рационального изложения нормативного материала».² К таким средствам относятся и исследуемые в данной работе презумпции и фикции. Они находят достаточно широкое применение в отраслях российского законодательства.

Вместе с тем упоминания о них в отечественной юридической литературе встречаются крайне редко. В общей теории права до настоящего времени не получила самостоятельной полной разработки теория презумпций и фикций, рассматривающая их социальное значение и место в механизме правового регулирования.³

¹ Бержель, Ж.-Л. Общая теория права : пер. с франц. / Ж.-Л. Бержель; под общ. ред. В.И. Даниленко – М., 2000. – С. 524.

² Курсова, О.А. Фикции в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Курсова – Н. Новгород, 2001. – С. 3.

³ Смирнов, П.В. Неологизмы в уголовном процессе / П.В. Смирнов. – М., 1999. – С. 41-42.

Несмотря на столь длительное существование правовых презумпций и фикций в научной сфере нет единства мнений даже по поводу самих дефиниций. Некоторые авторы сегодня попросту предлагают отказаться от понятий «презумпция» и «фикция» как непонятных простому обывателю, пока непосредственно в законе нет конкретных нормативных правил, раскрывающих их суть. Другие считают, что вряд ли есть необходимость вводить в правовые документы иноязычные слова «презумпция» и «фикция», которые даже юристы толкуют и понимают по-разному.¹

Кроме того, эти термины довольно часто не разграничивают из-за нечёткости понятий, либо рассматривая презумпции как особую разновидность фикции, либо наоборот. Однако сложность ситуации не ограничивается только чисто терминологическими «блужданиями», во многом она связана с нерешённостью вопроса об их природе. Для многих учёных на сегодняшний день остаются дискуссионными вопросы: представляют ли презумпции и фикции чисто правовую категорию или же сфера их применения гораздо шире и каким смыслом наделяются презумпции и фикции в связи с прибавлением к ним термина «правовые». Сегодня можно говорить о трёх подходах к решению данной проблемы. Мы, как и большинство ученых, придерживаемся второго подхода. Он относительно новый и рассматривает данные явления как универсальные категории, при таком подходе правовые презумпции и фикции – частные разновидности общих презумпций и фикций.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена теоретической и практической необходимостью создания целостной теории правовых презумпций и фикций.

Изучение правовых презумпций и фикций имеет свою историю. В русском праве презумпции исследовались в трудах видных юристов: Т.М. Яблочкова, К.И. Малышева, В.М. Гордона, Е.В. Васьковского.

Юридические фикции также привлекали пристальное внимание представителей отечественной науки: Р. Йеринга, Д. Мейера, Г.Ф. Дормидонтова, Г.С. Мэна, К. Бюлова и др.

Но в советское время ситуация изменилась. Однако если презумпции считались вполне приемлемыми и не вызывали

¹ См.: Крымов, А.А. Правовые презумпции в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Крымов. – М., 1999. – С. 135.

особых мнений, то фикции часто вызывали негативные оценки. Впрочем, и в отдельных презумпциях виделась классовая сущность (например, предположение о том, что всякий договор предполагается возмездным, а всякий долг – процентным). Не признавались советским правом и так называемые «общечеловеческие» презумпции как ведущие к произволу судей.

С другой стороны, именно в этот период (40-60-е гг. XX в.) в отечественной юридической литературе на проблему презумпций вновь обращают внимание. Речь идёт о работах В.К. Бабаева, А. Штейнберга, А.Ф. Клейнмана, К.С. Юдельсона, а позже – о трудах В.А. Ойгензихта, Е.Ю. Веденеева, А.А. Вишневого и др.

Интерес к правовой фикции возрождается только в конце 1970 – начале 1980 гг. в работах В.М. Горшенева, З.М. Черниловского, Н.И. Матузова и А.В. Малько. Однако в отмеченный период особых дискуссий по рассматриваемой проблематике не наблюдалось, статьи носили единичный характер. Несмотря на то присутствие правовых фикций в трудах В.К. Бабаева, В.И. Каминской, М.С. Строговича, В.А. Ойгензихта и других и в более ранний период, они исследовались лишь в контексте их соотношения с презумпциями. На сегодняшний день к списку исследователей можно добавить работы О.А. Курсовой, К.К. Панько, З.Ф. Ковриги и др. Однако в правовой литературе еще недостаточно работ, которые доказывали бы существование значительной и логически завершённой теории правовых предположений, в том числе презумпций и фикций.

В настоящей работе правовые презумпции и фикции рассматриваются в их взаимосвязи с другими предположениями, определяется их философская и правовая природа, а также место в механизме правового регулирования.

ГЛАВА 1 СУЩНОСТЬ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВЫХ ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ

Предположение, как «догадка, предварительная мысль»¹, характерно для всего познания. Человечество всегда стремится к приобретению новых знаний, овладению тайнами бытия. Однако окружающая нас реальность постоянно развивается, изменяется, следовательно, и знания о ней относительны, что выражается в их неполноте и вероятностном характере. В научной литературе высказывается мнение о том, что вероятность есть общий и необходимый признак возможности, исходя из того, что нет и не может существовать возможности, которая не имела бы минимум вероятности, и «выражение этой возможности происходит с помощью разных суждений вероятности»².

Кроме того, в научной литературе излагается точка зрения, согласно которой по своей логической природе «предположение является приемом познавательной деятельности, основанной на обобщении высокой степени вероятности, и поэтому позволяющим по одному либо нескольким фактам сделать вывод о существовании неизвестного факта»³. Эта позиция требует уточнения.

В жизни, в познании иногда используются не отличающиеся значительной степенью вероятности или даже невероятные предположения. Поэтому представляется возможным любое предположение рассматривать как суждение о чем-либо без достаточных доказательств.⁴ Высокой степенью вероятности отличаются лишь обоснованные предположения.

¹ Малый толковый словарь. – М., 1990. – С. 427.

² Зуев Ю.Г. Указ соч. – С. 12.

³ Левенталь, Я.Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе / Я.Б. Левенталь // Советское государство и право. – 1949. – № 6. – С. 55.

⁴ Черданцев, А. Можно оспорить и мнение / А. Черданцев // Российская юстиция. – 1997. – № 4. – С. 51.

Познавательное значение предположений раскрывается в научном прогнозировании и предвидении. Но что же позволяет выдвигать предположения, и от каких условий зависит их истинность?

Первым существенным условием возможности выдвижения предположений является объективно существующая, всеобщая, причинно обусловленная связь предметов и явлений окружающего нас мира. Вторым условием для выдвижения предположений является наличие между установленным фактом и фактом предполагаемым связи в форме закономерности. Третье условие – повторяемость повседневных жизненных процессов.¹

Предположения достаточно широко используются в процессе познания, точнее сказать – на высшем уровне познавательной деятельности – в мышлении.

Естественная логическая способность рассуждать и делать логические выводы из рассуждений возникла в процессе человеческого развития. Для человека жизненно необходимо думать логически правильно, потому что иначе он не смог бы понять самые элементарные закономерности природы и общества, не смог бы правильно регулировать свое поведение в соответствии с объективной реальностью. В общем и целом люди мыслят логически правильно, хотя в большинстве своем они науку логики не изучали.²

Способность рассуждать и делать логические выводы из рассуждений в той или иной степени присуща любому разумному человеку независимо от сферы его деятельности.

Абстрактный аппарат естественной логической способности в принципе одинаков у людей разных социально-психологических типов – от охотника до крестьянина и академика. Об этом пишет выдающийся российский психофизиолог академик А.А. Ухтомский: «Несколько лет тому назад известный германский теоретик познания профессор Алоиз Риль писал, что мышление ученого ничем не отличается от мышления мужика. Это совершенно верно. Абстрактный аппарат мысли один и тот же...»³.

¹ Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 195.

² Зегет, В. Элементарная логика / В. Зегет. – М., 1985. – С. 21.

³ Ухтомский, А.А. Письма / А.А. Ухтомский // Новый мир. – 1973. – № 1. – С. 262-263.

Всякая логическая абстракция обобщает определенные черты и закономерности объективной действительности. Реальной основой и критерием логически правильного обобщения и сопоставления является практика. «...Если мы подвергнем анализу все понятия, которыми пользуется человек в процессе абстрактного мышления, – пишет известный болгарский философ Панайот Гиндев, – то убедимся в том, что они – плод его практической деятельности»¹.

И ученый, и практик при поиске истины в рассуждениях и логических выводах так или иначе опираются на практику, но в реальной ситуации эта связь имеет более непосредственный характер, что объективно и субъективно усложняет условия интеллектуальной деятельности, повышает ее ответственность. На это указывал известный российский ученый-психолог Б.М. Теплов: «Работа практического ума непосредственно вплетена в практическую деятельность и подвергается ее непрерывному испытанию, тогда как работа теоретического ума обычно подвергается такой проверке лишь в конечных результатах. Отсюда та своеобразная ответственность, которая присуща практическому мышлению. Теоретический ум отвечает перед практикой лишь за конечный результат своей работы, тогда как практический ум несет ответственность в самом процессе мыслительной деятельности. Ученый-теоретик может выдвигать разного рода рабочие гипотезы, испытывать их иногда в течение очень длительного срока, отбрасывать те, которые себя не оправдывают, заменять их другими и т.д. У практика возможности пользоваться гипотезами несравненно более ограничены, так как проверяться эти гипотезы должны не в специальных экспериментах, а в самой жизни, и – что особенно важно – практический работник далеко не всегда имеет время для такого рода проверок. Жесткие условия времени – одна из самых характерных особенностей работы практического ума»².

С учетом этого Б.М. Теплов приходит к выводу, что «нет ни малейшего основания считать работу практического ума более простой и элементарной, чем работу теоретического ума... Если уж устанавливать градации деятельности по труд-

¹ Гиндев, П. Философия и социальное познание / П. Гиндев. – М., 1979. – С. 221.

² Теплов, Б.М. Избранные труды : в 2 т. / Б.М. Теплов. – М., 1985. – Т.1. – С. 225.

ности и сложности требований, предъявляемых уму, то придется признать, что с точки зрения многообразия, а иногда и внутренней противоречивости интеллектуальных задач, а также жесткости условий, в которых протекает умственная работа, первые места должны занять высшие формы практической деятельности...»¹.

Среди высших форм практической деятельности одно из первых мест принадлежит деятельности по разрешению сложных нестандартных ситуаций, в частности в условиях информационной неопределенности. Одним из важнейших средств восполнения информационной неопределенности при решении таких вопросов является второй компонент здравого смысла – жизненный опыт личности.² Другим способом преодоления информационной неопределенности выступает вымысел как некая виртуальная реальность, созданная взамен неизвестной действительности.

В философии мышление рассматривается как «процесс оперирования конкретно-чувственными и понятийными образами»³. Мышление – это активный процесс опосредствующего, абстрактно-обобщающего отражения существенных свойств и отношений явлений, осуществляемых в понятиях.

Возникновение понятий – объективная закономерность становления и развития человеческого мышления. Понятие, как форма (вид) мысли, есть результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определенной совокупности общих для предметов этого класса и в целом для них отличительных признаков.⁴ С этих позиций понятие презумпции отражает существенные черты определенного вида предположений и определяется как обобщенное положение предположительного характера, охватывающее значительное количество случаев закономерного взаимодействия явлений, определенного класса.

При этом справедливо утверждается, что «взаимосвязанные действия отвлечения, сравнения, сопоставления и выделе-

¹ Теплов, Б.М. Указ. соч. – Т.1. – С.225.

² Мельник, В.В. Искусство защиты в суде присяжных : учебно-практическое пособие / В.В. Мельник. – М., 2003.

³ Алексеев, П.В. Философия / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М., 1996. – С. 219.

⁴ Иванов, Е.А. Логика / Е.А. Иванов. – М., 1996. – С. 45.

ния того общего свойства, которое присуще необозримому множеству предметов, в философии именуется абстрагированием, а результаты познания, получаемые в итоге, называются абстракциями»¹. Абстракции рождены обобщением опыта и, применяясь в познании, проверяются практикой.

Отвлеченный характер понятий не означает, что они оторваны от реальности. Напротив, понятия, раскрывая сущность, проявляют свой конкретный характер.

Для истинности понятия свойственна конкретность, которая будет проявляться как зависимость знания от связей и взаимодействий, присущих тем или иным явлениям, от условий, места и времени, в которых они существуют и развиваются.²

С точки зрения логики, содержанием любого понятия является совокупность существенных признаков предмета, которая мыслится в данном понятии.

Определение понятия отражает отношение, связь с другими понятиями, категориями и представляет собой суждение. Суждения – это «отражение связей между предметами и явлениями действительности или между их свойствами и признаками»³; при этом в них утверждается или отрицается что-либо. Указанное положение распространяется и на понятие предположений. Конструируются предположения при помощи разных методов. Например, методом построения предположения является, как правило, индукция, а методом построения фикций и символов – идеализация.

Что касается истинности предположений, то здесь следует в первую очередь отметить, что понимается под истиной в науке. Обычно истину определяют как свойство знаний, а знание, адекватно отражающее действительность, независимо от сознания человека – как объективную истину. Однако объективная истина не есть сама объективная реальность, а только объективное познание реальности субъектом. Различные предположения характеризуются различной степенью вероятности, приближенности к истине. Так, аксиомы определяются как

¹ Введение в философию : в 2 т. – М., 1989. – Т 1. – С. 340.

² Свинцов, В.И. К вопросу о соотношении понятия «истина» и «художественная правда» / В.И. Свинцов // Философские науки. – 1984. – № 4. – С. 61-62.

³ Брушлинский, А.В. Мышление / А.В. Брушлинский // Общая психология. – М., 1968. – С. 327.

очевидная, бесспорная истина: презумпция – как положение, принимаемое за истину до тех пор пока не будет доказано обратное; фикция – как положение, принимаемое за истину, хотя степень вероятности в данном случае ничтожно мала или неизвестна; гипотеза – как предположение, достоверность которого еще не доказана, следовательно, и не истина, и не ложь и т.д.

Все существующие предположения подразделяются на две группы: обоснованные (научно и теоретически) и необоснованные (разумно немыслимые, не имеющие применительной ценности). Именно к первой группе относятся правовые гипотезы, версии, прогнозы, символы, аксиомы, общеизвестные факты и косвенные доказательства.

Предположения, применяемые в праве, являются разновидностью общих предположений. Они имеют меньшее познавательное значение, чем научные предположения, используются только в сфере права либо в связи с правом, что предопределено задачами правового регулирования, а некоторые и закрепляются в нормах права (например, аксиомы или презумпции, однако версии и гипотезы таким признаком не характеризуются).

В механизме правового регулирования разные предположения играют неодинаковую роль: например, аксиомы выступают в качестве основных постулатов права, презумпции и фикции, наоборот, выполняют в праве вспомогательную функцию, являясь особыми средствами юридической техники.

В данной работе мы остановимся только на правовых презумпциях и фикциях, как наиболее ярких и неоднозначно воспринимаемых в юридической литературе предположениях.

§ 2. ФИЛОСОФСКАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ

Правовые презумпции и фикции – разновидность общих презумпций и фикций, поэтому изучению правовых презумпций и фикций должна предшествовать обстоятельная характеристика логических оснований существования данных понятий с философской точки зрения, а также методов их построения и т.д.

Для начала подробно остановимся на философских и логических основаниях существования презумпций.

Презумпция (*praesumptio*) в переводе с латинского означает:

- 1) предположение, основанное на вероятности;
- 2) юридическое признание факта достоверным, пока не будет доказано обратное.¹

Как видим, презумпция в большинстве случаев определяется через понятия «предположение», «вероятность», «достоверность», «истинность», посредством которых осуществляется мышление – высший вид рациональной познавательной деятельности.

В русском языке, достоверность (достоверный) – свойство по значению (не вызывающий сомнения).² Под вероятностью же понимается возможность осуществления чего-либо, вероятный – возможный, представляющийся истинным.³

Применительно к нашему исследованию представляется, что слова «достоверный» и «вероятный», употребляемые по значению для характеристики свойства чего-либо, отличаются тем, что первое означает большую степень осуществимости (истинности), второе – меньшую, указывает лишь на возможность чего-либо. Они же используются для раскрытия сущности понятия презумпции как разновидности предположений.

Итак, презумпции – вид вероятностных предположений, следовательно, для презюмирования достаточно, чтобы связь между наличным фактом и предполагаемым была в форме статистической закономерности. Например, наблюдая во многих случаях повторяющуюся закономерную связь между такими событиями, как заключение брака между женщиной и появлением в их семье ребенка, мы предполагаем, что супруг есть отец ребенка, распространяя это предположение на встречающиеся нам семьи. В некоторых случаях, это положение может не соответствовать действительности, так как оно основано не на жесткой необходимой связи между заключением брака и рождением ребенка, а на закономерности, выражающей определенную степень вероятности проявления данной связи в повторяющихся случаях. Л.Д. Кокорев, например, писал, что презумпции с развитием науки стали «выра-

¹ Краткий словарь иностранных языков / гл. ред. С.М. Локшина. – М., 1978. – С. 218.

² Словарь русского языка : в 4 т. – М., 1985. – Т. 4. – С. 437.

³ Там же. – Т. 1. – С. 697.

жать научную закономерность»¹. При этом истинность презумпции, условно говоря, будет иметь определенную степень вероятности, зависящую от числа обобщенных фактов проявления данной связи.

Любую презумпцию можно рассматривать как обобщение повторяющихся событий, универсальность которого состоит в применении его к вновь повторившимся фактам. Причем, презумптивное предположение представляет собой обобщенное выражение реальных отношений, вывод из повседневно встречающихся и постоянно повторяющихся фактов действительности.

Небольшая степень познавательной новизны презумптивных предположений в каждом случае их применения объяснима функциональным предназначением или, точнее сказать, сферой применения презумпций. С определенной долей условности можно утверждать, что они работают на стадии количественного подтверждения полученного знания о предмете (классе, группе).²

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что философско-логическими основаниями существования презумптивных обобщений как разновидности предположений являются: всеобщая причинно-обусловленная связь явлений окружающей нас реальности; существование в мире сходных фактов, явлений; наличие между ними (сходными, подобными фактами) повторяющейся взаимосвязи в виде закономерности.

Для более глубокого уяснения сущности презумпций необходимо рассмотреть не только условия создания данных обобщений, но и метод построения презумптивных положений.

Касательно механизма выдвижения презумпций в общей теории права указывается: «Наблюдая факты и явления при одних и тех же условиях, в одних и тех же ситуациях, человек, основываясь на связях между предметами и явлениями и предшествующем опыте, закономерно предполагает, что при аналогичных условиях и ситуациях будут иметь место те же факты и явления»³.

Проверяемость на практике позволяет А.В. Копнину сравнивать механизм создания презумптивного положения с

¹ Горский, Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д.Кокорев, П.С.Элькинд. – Воронеж, 1978. – С. 236.

² Зуев, Ю.Г. Указ соч. – С. 19.

³ Общая теория права: курс лекций. – Н. Новгород, 1993. – С. 103.

таким методом познания, как эксперимент, и рассматривать его как «практическую абстракцию».¹

С определенной долей условности презюмирование, как процесс выдвижения общего предположения-вывода, можно назвать логическим приемом. В познании метод, при котором на основе отдельных, частных признаков путем умозаключения делается общий вывод о предмете или явлении, называется индукцией или методом восхождения от частного к общему.

Индукция возникает в процессе деятельности человека и происходит от потребности обобщения уже полученных знаний о предметах, их взаимосвязях. Таким образом, ее результатом является знание в виде «более или менее существенных обобщений отдельных фактов в результате эмпирических наблюдений, экспериментов...»².

Допустимо утверждать, что на основе повторяющегося признака у отдельных явлений, делается умозаключение о его принадлежности всем явлениям определенного класса.

В логике индукция делится на полную и неполную, называемую еще популярной. При неполной индукции переход от повторяемости свойств у некоторых явлений к суждению о его всеобщности для данного множества не может претендовать на логическую необходимость, поскольку повторяемость признака может оказаться результатом простого совпадения и указанное свойство будет нехарактерно для какого-либо явления сообщества. Именно поэтому Ю.В. Ивлев пишет: «Статистическая неполная индукция заключается в переносе относительной частоты появления признака с некоторого класса на более широкий класс»³. Следует согласиться и с тем, что «самая простая истина, самым простым индуктивным путем полученная, всегда неполная, ибо опыт не закончен».⁴

По мнению В.Ф. Асмуса, «кроме полной индукции, дающей достоверные заключения, все остальные виды индукций дают заключения вероятностные»⁵.

¹ Копнин, А.В. Логические основы науки / А.В. Копнин. – Киев, 1958. – С. 245.

² Иванов Е.А. Указ. соч. – С. 213.

³ Ивлев, Ю.В. Логика / Ю.В. Ивлев. – М., 1992. – С. 119.

⁴ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М., 1980. – Т. 29. – С. 152.

⁵ Асмус, В.Ф. Логика / В.Ф. Асмус. – М., 1947. – С. 302.

Вероятность характерна и для презумптивных предположений. Это сходство позволяет полагать, что индукция – основной метод образования презумпций.

В правовой литературе при рассмотрении предположений в гражданском праве и процессе также высказывалась точка зрения о том, что с логической стороны они являются умозаключениями популярной индукции.¹

Признавая то, что методом выдвижения презумптивных обобщений является неполная индукция, Ю.Г. Зуев в то же время рассматривает весь механизм от становления презумптивного предположения до распространения его на вновь встречающиеся явления, как процесс экспериментального моделирования, в котором совместно воплотились индукция и дедукция.²

Применительно к правовым презумпциям, с определенной долей условности, как специально созданные условия можно рассматривать правовые нормы, сконструированные на основе презюмируемых положений. Это позволяет, например, считать факт совершения преступления подростком определенной возрастной категории как воспроизведение явления в «специально смоделированных», регулируемых правом условиях, при которых проверяется выдвинутое на основе опыта предположение.

Таким образом, уяснение оснований наличия и метода построения презумптивных предположений позволяет определить их с общелогических позиций. Справедливым в этом плане представляется утверждение о том, что понятие презумпции производно от понятия предположения в общелогическом смысле.

Общелогическое или, как его еще называют, фактическое предположение можно охарактеризовать следующим образом: оно представляет собой вид индуктивного умозаключения (от частного к общему); оно позволяет на основании знания одного известного факта (или нескольких фактов) предположить, не прибегая при этом к доказательствам, существование (несуществование) другого неизвестного факта, являющегося

¹ Воложанин, В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе : автореф. дис. ... канд.юрид.наук / В.П. Воложанин. – Свердловск, 1953. – С. 6.

² Зуев Ю.Г. Указ. соч. – С. 26, 30.

следствием или причиной первого; основанием для такого вывода (умозаключения) служит наблюдение.

По нашему мнению, общелогическое обоснованное предположение составляет основу не только презумпций, но и гипотез, теорий, версий, прогнозирования, которые являются видами предположений, используемых в познании. Возможно, именно поэтому презумптивные предположения иногда трактуются как истинные и достоверные знания. Хотя, с точки зрения А. Эрделевского, говорить о презумпциях как знаниях допустимо, лишь рассматривая их как сообщение о факте, которое может соответствовать (не соответствовать) действительности.¹

С учетом изложенного можно сделать следующий вывод: презумптивное предположение – это обобщение или суждение утвердительного характера о наличии или отсутствии факта, основанное на опыте проявления закономерности (связи) между фактом наличным и предполагаемым. При этом закономерность – это тип связи, для которого характерна вероятность – возможность ее проявления для конкретного данного факта.

С точки зрения философии, содержанием рассматриваемого понятия, как представляется, допустимо считать сообщение (информацию) о факте, явлении и его взаимосвязь с другими фактами, а формой – общий вывод-суждение, отражающий в себе указанные элементы.

В научных работах, однако, высказывалось при обсуждении презумпций и такое мнение: необходимость их существования только кажущаяся, и логический прием, составляющий их содержание, не естественный, а искусственный. Нам же думается, что указанная позиция спорна, т.к. с точки зрения логики содержанием понятия называется «совокупность существенных признаков предмета, которые мыслятся в данном понятии»².

В этом плане справедливым представляется то, что «в каждой презумпции заключено противоречие между ее действительным вероятностным содержанием и категорической формой выражения, требующей применять это правило так, как будто оно является абсолютно истинным и общим»³.

¹ Эрделевский, А. Утверждение о факте и выражение мнения – понятия разного рода / А. Эрделевский // Российская юстиция. – 1997. – № 6. – С. 17.

² Зуев Ю.Г. Указ. соч. – С. 29.

³ Большая советская энциклопедия. – М., 1975. – Т. 30. – С. 516.

Применительно к исследуемому понятию возможно, что чем выше будет вероятность презумптивного предположения, тем реже будет «нарушаться» соотношение формы содержанию. Напомним, что вероятность – это мера возможного соответствия обобщения конкретному отношению наличного факта к предполагаемому факту, т.е. такого состояния, когда оно будет истинным.

Такова характеристика общего понятия презумпции, которая должна предшествовать рассмотрению вопроса о правовых презумпциях.

Правовые презумпции, как уже отмечалось, – разновидность общих презумпций и им, следовательно, присущи все признаки предположений вообще. Помимо этого они обладают особыми, свойственными только им чертами: отражают «обычный порядок» связей между предметами и явлениями только в сфере права либо в связи с правом; их использование предопределено задачами правового регулирования; они прямо или косвенно закрепляются в нормах права (или правовых актах).¹

Многие из имеющихся в юридической литературе определений правовых презумпций, хотя и отражают те или иные существенные их признаки, тем не менее не лишены определенных недостатков. Так В.К. Бабаев определяет презумпцию как «предположение о наличии или отсутствии предметов (явлений), основанное на связи между ними и предметами (явлениями) наличными, подтвержденное предшествующей жизненной практикой».² Данное определение, по мнению А.А. Крымова, может быть дополнено, поскольку презумпции имеют и статическую природу и образуются также с помощью дедукции.³ Эта точка зрения, на наш взгляд, не лишена смысла, так как в научном и эмпирическом познании, в том числе освоении государственно-правовой действительности, дедукция и индукция взаимно переплетены, неотрывны друг от друга.

Согласно точке зрения В.И. Каминской относительно понятия рассматриваемой категории «правовой презумпцией является такое предположение, выраженное прямо или косвенно в правовой норме, которым какой-либо порядок явлений в области отношений, возникающих из человеческого поведения,

¹ Бабаев В.К. Указ. соч. – С. 13.

² Там же. – С. 12.

³ Крымов А.А. Указ. соч. – С. 24.

признается обычным, постоянным, нормальным и не требующим в силу этого специальных доказательств»¹. В данном определении не отмечен такой существенный признак презумпций, как связь факта доказанного и факта презюмируемого. Кроме того, В.И. Каминская также полагает, что «презумпции – это индуктивные умозаключения, основанные на так называемых эмпирических законах, а не научных закономерностях общественной жизни»². Однако данное определение также вряд ли может быть признано достаточно полным, на том же основании, что и предыдущее.

Более удачным в этом плане является определение правовой презумпции, данное В.А. Ойгензихтом, отмечающим, что презумпция – «вывод не только из частного, а из комплекса сопоставлений и суждений, не только эмпирических, но и из логических и теоретических обобщений»³.

Кроме того, существуют многочисленные примеры нестандартного использования понятия презумпции. Условно их можно классифицировать по трем направлениям: как мотив действия законодателя; как общее правило законодательства; как суждение о наличии определенных нормативных оснований правоотношений.⁴

Хотелось бы также отметить, что при определении юридического понятия презумпций, в том числе и правовых, большинство ученых, занимавшихся данной проблемой, прибегают к такой логической категории, как вероятность, основанная на многократно повторяющихся или логически возможных явлениях.

Однако, справедливости ради, надо отметить, что данное правило распространяется не на все правовые презумпции. Нельзя отрицать существование презумпций, закрепляющих предположения, не основанные на многократно повторяющихся явлениях. Речь идет об исключительных случаях закрепления презумпций, представляющих собой искусственно созданные положения, которые в сущности своей выражают правила,

¹ Каминская В.И. Указ. соч. – С. 3.

² Там же. – С. 31.

³ Ойгензихт В.А. Понятие гражданско-правовой презумпции / В.А. Ойгензихт // Советское государство и право. – 1975. – № 10. – С. 25.

⁴ Щекин, Д.М. Юридические презумпции в налоговом праве / Д.М. Щекин. – М., 2002. – С. 24-29.

продиктованные нуждами судебной работы.¹ Так, в уголовном процессе именно во избежание нарушения законности, обеспечения гарантий от необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности и гарантии достижения истины по уголовному делу закреплена презумпция невиновности – презумпция особого рода, презумпция исключительная. К подобным презумпциям может быть отнесена и действующая в праве презумпция правознакомства.

Отмеченная особенность таких презумпций послужила основанием для мнения, суть которого сводится к следующему: те положения, в которых презюмируемое правило носит не постоянный, а исключительный характер и поэтому обладает слишком малой степенью вероятности, не есть презумпции. Такая точка зрения, в частности, была высказана профессором М. Гурвичем.² Надо сказать, что подобное мнение заслуживает внимания, но не как основание для отрицания таких презумпций, а как свидетельство того, что перед нами презумпции особого рода (квазипрезумпции).

По мнению Д.М. Щекина, главным свойством правовой презумпции является вовсе не высокая степень вероятности, а ее телеологическая (целевая) основа – общественная потребность.³

Однако общая характеристика правовых презумпций будет неполной, если остановиться только на их понятии и признаках и не выяснить, каким образом они закрепляются в праве.

Анализируя правовые презумпции, можно заметить, что одни из них имеют своим предметом отношения общечеловеческой, бытовой жизни, не связанные с правом (например, предположение отцовства); другие же образовались лишь в связи с правотворческой и правоприменительной деятельностью (например, предположение, что присутствие в зале судебного заседания свидетелей до дачи показания может повлиять на их объективность).

Но как те, так и другие получают правовое закрепление. Почти все презумпции отечественного права закреплены в правовых нормах, но иногда ссылка на них содержится и в правовых актах.⁴ Закрепляются презумпции в нормах права

¹ Крымов А.А. Указ. соч. – С. 21.

² Бабаев В.К. Указ соч. – С. 16.

³ Щекин Д.М. Указ. соч. – С. 19.

⁴ См. об этом: Бабаев В.К. Указ. соч. – С. 17-18.

либо прямо, либо косвенно. О прямом закреплении можно говорить, если норма права непосредственно излагает презумптивное положение.

Прямое закрепление презумпции в законе в силу особой ее природы позволяет использовать термины «признается», «считается», так как законодатель мог исходить из одного или другого предположения, мог вообще не исходить ни из какого предположения, а руководствоваться лишь соображениями политической целесообразности, рассчитывать на определенный эффект издаваемого закона и т.п. Ценность прямого закрепления презумпции в том, что она как прием законотворчества позволяет единообразно и обоснованно разрешить типичную ситуацию неопределенности.

Если же презюмируемое положение не излагается непосредственно в норме, но его можно вывести из нее путем умозаключений, то налицо косвенное закрепление презумпции. По общему правилу косвенным признается такое закрепление, когда презумпция выступает в качестве мотива к созданию конкретной нормы. В качестве примера в литературе предлагается презумпция непонимания несовершеннолетним противоправности своих действий¹; презумпция знания законов, истинности судебного решения. Признание возможности косвенного закрепления презумпции приводит к тому, что элементы презумпции содержатся в разных нормах или презумпция признается и активно используется, не имея правового закрепления, или одна правовая норма содержит несколько презумпций.² Кроме того, в одних нормах права может быть указано лишь одно основание презумпции, в других – несколько (например, ст. 16 или 17 АПК РФ), при этом каждое из указанных обстоятельств является самостоятельным основанием для предположения. Все это делает нежелательным использование косвенного способа закрепления презумпций.

Иногда одна и та же презумпция, находящая закрепление в нескольких нормах, в одном случае выражается прямо, в других – косвенно.

¹ Петрухин, И.Л. Внутреннее убеждение суда и правовые презумпции / И.Л. Петрухин // Советское государство и право. – 1964. – № 3. – С. 63.

² Кругликов, Л.Л. Презумпции в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, Ю.Г. Зуев. – М., 2001. – С. 89-90.

Говоря о нормативном закреплении презумпций, необходимо иметь в виду, что если они находят закрепление в нескольких правовых нормах, можно говорить о наличии института определенной презумпции.

Однако, учитывая специфику презумпций, следует отметить, что не только законодательное установление, но и использование презумпций в правоприменительной практике требует определенной фиксации. Судья обязан отмечать сам факт их применения, точно воспроизводя формулу закона. Примером тому является постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 сентября 1994 г. № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей».

Другим видом правовых предположений, которому посвящена данная работа, наряду с презумпцией, является фикция (*fictio*), что в переводе с латинского означает «выдумка», «вымысел», «нечто реально не существующее».¹ Данное понятие имеет три смысловых значения: общеупотребительное, философское и правовое. Однако во всех значениях фикция – есть положение, не соответствующее действительности.

Специфика фикции состоит в том, что она представляет собой проявление небытия. По сути, небытие – отсутствие бытия. Фикция отрицает бытие, конструируя не сущее. Это сознательное признание несуществующего в реальности сущим или, наоборот, отрицание существующего является существенным признаком фикции вообще.² Однако фикция может содержать большую или меньшую степень вероятности, но само признание каких-либо фактов, явлений, действий, состояний фикцией влечет сознательное отмежевание от их вероятности. Поэтому фикция не предусматривает возможности появления таких жизненных ситуаций, которые не охватываются установленным ею правилом. Она формулируется совершенно категорично, как будто указанной возможности вовсе не существ-

¹ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – М., 1983. – С. 712.

² Курсова, О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия / О.А. Курсова // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – С. 451.

вует.¹ Именно благодаря этому качеству, категорически утверждая (или отрицая) что-либо, фикция преодолевает неопределенность той или иной ситуации.

Как отмечается в философской литературе, неопределенность, будучи видом отражения, представляет собой потенциально возможную, но не выявленную неадекватность (или адекватность) отражения. Неопределенность в отличие от незнания не является чисто субъективной характеристикой, включая в себя в качестве элементов: имманентную объекту неопределенность, имманентную субъекту неопределенность, неопределенность объекта и субъекта в процессе познания.²

Фиктивное положение может быть сформулировано разными способами, в том числе в виде предположения. Но, даже облекаясь в форму предположения, фикция всегда остается фикцией, не изменяя свою природу. Даже сформулированная в виде презумпции фикция очевидна, а в силу этого практически всегда непроверяема. Насчет сознательной фиктивности того или иного положения никто не обманывается. Как писала В.И. Каминская: «Ложь ... фикции, несмотря на всю ее очевидность, не проникает в ее содержание, она относится лишь к ее оболочке».³

Таким образом, философский аспект фикции заключается в том, что нечто, не имеющее непосредственных аналогов в действительности, выдается за истину, как если бы оно существовало в реальности. В философии даже существует особая концепция – фикционализм, считающая весь окружающий мир системой фикций и строящая на этом вывод о невозможности познания действительности как она есть «на самом деле».⁴

Как бы там ни было, все ученые сходятся на том, что фикция по своей сути есть ложь, т.е. она противоречит истине, но ... признается за нее. Все это выводит нас на такие философские категории, как «истина» и «ложь».

¹ Панько, К.К. Юридические фикции в современном российском праве / К.К. Панько // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – С. 465.

² Курсова О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия. – С. 454.

³ Каминская В.И. Указ. соч. – С. 48.

⁴ Имеется в виду теория немецкого философа Х.Файхингера (1852-1933 гг.). См.: Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 725.

Данные лексические единицы часто встречаются, как в обыденном речевом общении, так и в научном обиходе, являясь гносеологическими антиподами друг друга. Следовательно, каждое из них может быть раскрыто через свою диалектическую противоположность. На самом деле это не так легко осуществить, поскольку истинные знания выражаются, как правило, одной категорией («истина»), в то время как сущность и функционирование неистинных знаний выражается по меньшей мере тремя – «ложь», «заблуждение», «дезинформация».¹

Понятие истины выражает особое свойство знания, определяемое в материалистической гносеологии как соответствие этого знания отображаемому в нем фрагменту реальности. Это свойство абстрагировано от субъективных оценок знания, равно как и от различных аспектов его социального функционирования. Оно принадлежит истинному знанию (множеству истинных суждений) независимо от того, каким образом последнее воспринимается субъектом, включается или нет в социальные коммуникации и какими характеристиками при этом сопровождается.²

Таким образом, истина – это адекватное отражение познаваемого объекта, достоверное знание. Достоверность, в свою очередь, – это одна из форм (другой формой является вероятность) существования истины, это знание, не вызывающее сомнений, обоснованное каким-либо образом, доказанное или подкрепленное практикой.³

Ложь же с точки зрения логики трактуется как «неправда, искажение действительного состояния дел, имеющее целью ввести кого-либо в обман». Таким образом, понятие лжи либо отождествляется с дезинформацией, трактуемой как «заведомо неверные, ложные сведения, сообщаемые с целью ввести в заблуждение», либо родовой термин («ложь») заменяется видовым («заблуждение»), что в корне неверно. Кроме того, оба термина явно выходят за пределы объективной истинной характеристики знания: понятие «заблуждения» содержит оцен-

¹ Баранов В.М. Указ. соч. – С. 236.

² Свинцов, В.И. Заблуждение, ложь, дезинформация (соотношение понятий и терминов) / В.И. Свинцов // Философские науки. – 1982. – № 1. – С. 77.

³ Пьянов, Н.А. Истина в правоприменительной деятельности : дис. ... канд.юрид.наук / Н.А. Пьянов. – М., 1987. – С. 115-117.

ку субъективного состояния личности (наличие ошибочного убеждения), а «дезинформация» предполагает к тому же передачу сообщения. Чтобы это стало более очевидным, рассмотрим эти термины несколько подробнее. В общем виде заблуждение определяется как отношение несовпадения объективной истинной характеристики знания с его субъективной оценкой в категориях истины и лжи. Заблуждение также интерпретируется как ложь, ошибочно принимаемая за истину, либо истина, осознанная как ложь.¹ Сам В.И. Свинцов определяет данный феномен через антоним «обладание истиной».² В самом деле, если заблуждение не тождественно лжи и в то же время не тождественно истине, то вполне допустимо обозначить подобное состояние особо.

Следует также отметить, что заблуждение может быть следствием ряда причин, в том числе и следствием дезинформации.

Дезинформация, есть вид информации, трактуемый как передача (объективно) ложного знания как истинного или (объективно) истинного знания как ложного, антонимом которого выступает термин «трансформация». При этом в основе дезинформации лежит намеренный вид обмана («злые» намерения), в то время как в основе трансформации лежит ненамеренный обман («добрые» намерения, заблуждение).³

Все эти этимологические и философские изыскания наводят на мысль о недостаточно удачном использовании термина «ложь» применительно к фикции, о замене его понятием «вымысел», как определял фикцию еще Д.И. Мейер.⁴

Не менее важно в данном исследовании не только разобраться с понятийным аппаратом, но и ответить на вопросы: откуда появляются истинные или ложные идеи и почему последние такие жизнестойкие?

В отличие от истины, которую в общих чертах определяют через соответствие реальности, ложь мыслится лишь в противоречии с реальностью, так что ошибка и иллюзия возникают якобы как результат незнания, легкомыслия, обмана или

¹ Свинцов, В.И. Указ. соч. – С. 76-79.

² Там же. – С. 83.

³ Там же. – С. 81.

⁴ Мейер, Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях / Д.И. Мейер. – Казань, 1854. – С. 2.

«глупости». Иными словами, ложность как бы становится результатом незнания причины или ненамеренного обмана. Этот способ ставить проблему не только ведет к практическому бессилию перед ложными идеями, но и противоречит реальной истории естественных и гуманитарных наук.

Человечество в течение тысячелетий считало, что Солнце вращается вокруг Земли вовсе не потому, что так утверждала господствующая идеология, а потому, что эти метафизические представления обобщили опыт, накопленный человечеством, они содержали относительную истину, укорененную в самой реальности.

Все это свидетельствует о том, что ложная идея более непосредственно зависит от жизненной реальности, чем идея истинная. Последняя, напротив, чаще всего противоречит опыту и побуждает своих защитников длительное время противодействовать общему мнению.¹

В конечном счете лишь в процессе приобретения знания относительного, содержащего безусловное осознание своей относительности, возникает абсолютное знание. Последнее одновременно превосходит, сохраняет и составляет единое с относительным. И этот процесс, в сущности, бесконечен.²

Вот почему в общественном сознании и науках, а также в общественных отношениях всегда найдется место ложной идее.

Однако в нашем случае речь идет не об иллюзиях, а об осознанной лжи, выраженной в форме предположения-фикции, обладающего следующими признаками: логическое отрицание бытия; малая степень вероятности; категоричность; очевидность; неопровержимость (в подавляющем большинстве случаев).

Однако данная характеристика фикции будет неполной без исследования метода ее образования.

Конструируется фикция при помощи такого средства познания действительности как идеализация, которое, в свою очередь, является разновидностью категориальной абстракции.

Абстракция (*abstractio*), в переводе с латинского, означает «отвлечение». В философской литературе абстракция трактуется как одна из форм познания, заключающаяся в мысленном отвлечении от ряда свойств предметов и отношений меж-

¹ Жуари, Ж.-П. Истина и заблуждение / Ж.-П. Жуари // Вопросы философии. – 1987. – № 4. – С. 128.

² Там же. – С. 129.

ду ними и выделении, вычленении какого-либо свойства или отношения.¹ Абстракция обозначает и процесс такого отвлечения, и его результаты. В процессе абстракции приходится иногда отвлекаться и от некоторых субъективных возможностей человека.

Всякое познание необходимо связано с процессами абстракции. Без них невозможно раскрытие сущности, проникновение вглубь предмета. Расчленение предмета и выделение в нем существенных сторон, всесторонний анализ их в «чистом» виде – все это результат абстрагирующей деятельности мышления. Характер абстракций, а также то, что выделяется в каждом конкретном случае и от каких сторон объекта происходит мысленное отвлечение, определяется задачами практической и познавательной деятельности человека и природой исследуемого объекта.

Идеализация (от греческого *idea* – «то, что видно»; образ, представление) является частным случаем абстракции и определяется в философии как «мыслительный акт, связанный с образованием некоторых абстрактных объектов, принципиально не осуществимых в опыте и действительности»². Идеализированные объекты являются некоторыми предельными случаями тех или иных реальных объектов и служат средством их научного анализа, основой для построения теории этих реальных объектов; они, таким образом, в конечном счете выступают как отображения объективных предметов, процессов и явлений. Идеализация объективно существующего предмета – это реальное или мысленное приведение его в зеркальное соответствие с идеей. Идеализация очищает реальный предмет от содержания, не соответствующего идее.

От других форм абстрагирования идеализацию отличает не особенности ее внутреннего гносеологического механизма, а специфика задачи, которую она решает – оставить в исследуемом предмете только то содержание, которое соответствует его идее, и отбросить то, которое не соответствует ей.³

¹ Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя. – М., 1975. – С. 5.

² Там же. – С. 139.

³ Баранов, В.М. Запоздалые заметки о правовых фикциях. Обзорная рецензия классических трудов Д.И. Мейера, Г.С. Мэна, Г.Ф. Дормидонтова / В.М. Баранов, О.А. Курсова // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – С. 793.

Следовательно, задачей фикции как конкретной разновидности идеализации является «отбрасывание» тех ситуаций, которые на самом деле могут произойти и зачастую происходят в действительности. Но для создания устойчивого решения это не является определяющим.

Как уже указывалось ранее, под фикцией в общеупотребительном значении понимается «вымышленное положение (построение), не соответствующее действительности, но используемое как действительное с какой-либо целью»; в философском (логическом) понимании, – это «представления и понятия, которыми мы оперируем таким образом, как если бы им соответствовало в действительности то, чего на самом деле не существует, – приписываем, например, предмету качество, которым он не обладает в действительности, и распространяем на него последствия этого положения».¹

Некоторые ученые к приведенным словарным определениям просто добавляют характеристику «правовые» и дальше ведут рассуждения об этом феномене уже как о сугубо юридическом приеме регуляции. Нет сомнения в том, что фиктивный характер правового положения следует оценивать с позиции способа регулирования, который опирается на возможность несовпадения формы и содержания права. И, действительно, условное объявление истинным того, что таковым может и не являться, касается лишь правовой формы, а не содержания объективной действительности. Но верно ли при этом абстрагироваться от ситуаций (далеко не редких), когда провозглашающийся в норме права факт оказывается существующим, в действительности имеющим место? Полагаем, что для понимания природы исследуемого явления это обстоятельство имеет важное значение, и его необходимо отразить в общем определении понятия «правовая фикция».

Определение фикции давалось в юридической науке уже давно. Так, Р. Йеринг характеризовал фикцию как «юридическую ложь, освященную необходимостью... технический обман или кажущийся акт», с помощью которого достигается определенный результат, одобренный данной правовой системой²; Д.И. Мейер определял ее как вымысел, который относится «к

¹ Баранов, В.М. Указ. соч. / В.М. Баранов, О.А. Курсова. – С. 790.

² Цит. по: Черниловский, З.М. Презумпции и фикции в истории права / З.М. Черниловский // Советское государство и право. – 1984. – № 3. – С. 117.

чему-либо вовсе не существующему, оказывающемуся юридически существующим только по вымыслу»¹; Г.С. Мэн к ним относил «всякие предположения, которыми прикрывают или стараются прикрыть тот факт, что правило закона подвергалось изменению, т.е. что его буква осталась прежней, а применение изменилось»²; Г.Ф. Дормидонтов под фикцией понимал «известный прием мышления, состоящий в допущении признания существующим заведомо не существующего и наоборот», а под юридической фикцией – «тот же прием, допускаемый объективным правом»³. Такие определения правовых фикций не могут не вызывать возражений, поскольку они не содержат характеристики содержания фиктивных положений (т.е. больше внимания уделялось внешней форме, а не внутреннему содержанию).

В советский период правовая фикция определялась либо как «закрепленное в правовых актах и используемое в юридической практике нормативное предписание в виде специфического способа (приема), выражающегося в провозглашении существующим факта или обстоятельства, в действительности не имеющих места»⁴, либо как «несуществующее положение, признанное законодательством существующим и ставшее в силу этого общеобязательным»⁵,

Современные авторы рассматривают правовую фикцию как прием законодательной техники. Так О.А. Курсова предлагает следующую дефиницию юридической фикции: «это средство юридической техники, при помощи которого конструируется заведомо не существующее положение (отношение или состояние), признаваемое существующим и обладающее императивностью, играющее роль недостающего юридического факта в ситуации невосполнимой неизвестности, закрепленное нормой права»⁶.

¹ Мейер, Д.И. Указ. соч. – С. 2.

² Мэн, Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям / Г.С. Мэн. – СПб., 1873. – С. 21.

³ Дормидонтов, Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикции / Г.Ф. Дормидонтов. – Казань, 1895. – С. 136.

⁴ Горшенев, В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве / В.М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 117.

⁵ Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 28.

⁶ Курсова, О.А. Фикции в российском праве. – С. 14-15.

Однако К.К. Панько критикует такую позицию, считая ее однобокой, ибо сам автор находит, что юридическая фикция имеет два значения: как прием законодательной техники и как антипод закона.

Первое, по мнению автора, в реальной жизни встречается и употребляется чаще, чем второе, особенно в обыденном знании населения.¹ Однако нам кажется, что К.К. Панько в своих исследованиях не отличает фикцию, закрепленную в нормах права, от фиктивности самих норм права.

По мнению О.А. Курсовой, фиктивные правовые нормы представляют собой «формальные правовые возможности, т.е. возможности, не имеющие потенциала реализуемости и являющиеся разновидностью правотворческих ошибок»². Фиктивные нормы чаще всего представляют собой добросовестные заблуждения в процессе познания правовых явлений. Фиктивная правовая норма приобретает явный статус, когда она осознается в качестве фикции, т.е. положения, не соответствующего реальности. Однако фикция-заблуждение далеко не всегда неопровержима и абсолютна.

Кроме норм-заблуждений к фиктивным правовым нормам могут быть отнесены нормы, явно не адекватные по политическим, идеологическим, ментальным и иным основаниям той правовой системы, в которую они включены.

Таким образом, норма права, сконструированная при помощи фикции как средства юридической техники, внешне во многом схожа с фиктивной нормой – и та, и другая закрепляют нечто, не существующее в действительности, но они кардинально различаются по своим свойствам. Фикция – средство юридической техники – призвана способствовать наибольшей действенности, «работе» правовой нормы. Основным свойством фиктивной нормы, напротив, является принципиальная нереализуемость в рамках определенной совокупности условий данной системы. Для того чтобы не возникала описанная выше терминологическая «неразбериха», необходимо остановиться на признаках, характеризующих правовую фикцию:³

1) правовая фикция может содержать большую или меньшую степень вероятности, хотя в основе ее лежит ложь

¹ Панько., К.К. Указ. соч. – С. 460-461.

² Курсова, О.А. Фикции в российском праве. – С. 15.

³ Там же. – С. 12-15.

(впрочем, вероятностные суждения могут быть как истинными, так и ложными), однако, став инструментом правового регулирования, она превращается в официальную и объективную государственно-властную реальность;

2) как и любая фикция, правовая фикция представляет собой одну из форм небытия, а именно категорическое отрицание возможности (вероятности) осуществления сконструированной при ее помощи ситуации;

3) любая фикция конструируется при помощи идеализации, но правовая фикция – вид практической идеализации, она приведена нормодателем в соответствие с идеей для практических целей;

4) правовая фикция условно произвольна: она формируется нормодателем произвольно, но произвольность ее условна, поскольку само применение фикции обуславливается целесообразностью, необходимостью урегулировать отношения именно подобным образом;

5) правовая фикция проявляет себя очевидно, для нее не характерна скрытость или подразумеваемость;

6) очевидность правовой фикции обуславливается ее императивностью, неопровержимостью в подавляющем большинстве случаев;

7) правовая фикция имеет способность преодолевать неопределенность в правовом регулировании, выполняя функции недостающего юридического факта;

8) правовая фикция формальна, что позволяет использовать ее в юридическом процессе лишь как формальное доказательство, не имеющее значения для познания объективной истины, но необходимое в целях процессуальной экономии;

9) правовая фикция закрепляется в норме права, в основном в гипотезах или диспозициях императивных норм,¹ и обладает общеобязательностью;

10) способность правовых фикций вызывать друг друга как одно из проявлений фиктивного на уровне реализации права вызывает использование фикции для урегулирования того или иного отношения;

11) намеренно деформирующий характер правовых фикций заключается: в искусственном уподоблении или прирав-

¹ По данному вопросу существуют и другие точки зрения, которые будут рассмотрены во II главе.

нивании друг к другу таких понятий и обстоятельств, которые в действительности различны или даже противоположны; в признании существующими обстоятельств и ситуаций до того, как они стали существовать на самом деле или возникли позже, чем это было в действительности; в признании реальными несуществующих обстоятельств и отрицании существующих;¹

12) исключительность фикции, т.е. использование только в качестве крайнего средства правового регулирования.²

И еще об одном нюансе, связанном с правовой фикцией истинности правовой нормы: может ли норма права содержать в себе положение (фикцию), более того, намеренно выдавать его за истину, не противоречит ли это ее сути, ее функциям? Большинство ученых избегают категории «ложность» применительно к правовым нормам. Истоки такой терминологической робости различны, но в основном они кроются в особенностях русского языка, где ложь ассоциируется с несущим отрицательную окраску глаголом «лгать», «обманывать» («истина» соответствующего глагольного аналога не имеет).³ Во многом именно поэтому многие ученые характеризовали и характеризуют фикцию как нечто совершенно противоположное духу права.

Так может ли норма права содержать в себе ложь? С точки зрения «обмана», считает В.М. Баранов, конечно, нет, в смысле характеристики знания только со стороны его соответствия (несоответствия) отражаемым объектам действительности – да, может.⁴ Кроме того, еще В.И. Каминская в свое время отмечала, что «ложь юридической фикции не проникает в ее содержание», т.е. это внешняя форма, в которую облекается правовая норма.⁵ Более того, это исключительная мера, применяемая нормодателем тогда, когда все другие средства неэффективны. В остальных случаях речь идет, как мы уже от-

¹ Панько, К.К. Указ. соч. – С. 470.

² Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 64.

³ Свинцов, В.И. Указ. соч. – С. 78.

⁴ Баранов, В.М. Указ. соч. – С. 237; Бабаев, В.К. Нормы права как истинное суждение / В.К. Бабаев // Правоведение. – 1976. – № 2. – С. 36; Сырых, В.М. Воистину ли нормы законов истинны? / В.М. Сырых // Государство и право. – 1996. – № 7. – С. 9; Халфина, Р.О. Критерии истинности в правовой науке / Р.О. Халфина // Советское государство и право. – 1974. – № 9. – С. 23.

⁵ Каминская, В.И. Указ. соч. – С. 48.

мечали, не о правовых фикциях, а о фиктивных нормах-дефектах.

В отличие от презумпций в отношении фикций вопрос об их закреплении мало исследован. По логике вещей фикция должна быть прямо закреплена в нормативно-правовом акте. Так, по законодательству США и Англии, «корпорация – это искусственное образование, невидимое, неосязаемое и существующее только с точки зрения закона». В гражданском кодексе Чили понятие юридического лица закреплено таким образом, что использование законодателем фикции также не вызывает сомнений: «Является юридическим лицом лицо фиктивное, способное осуществлять права и нести гражданские обязанности, вступать в правовые и не правовые отношения».¹

Однако чаще всего в нормативных актах фикция выражается с помощью следующих слов: «как бы», «как если бы», «допустим». Впрочем, встречаются и менее удачные языковые способы ее выражения, в частности через слово «считается», используемое обычно для обозначения презумпций. Например, данный вариант как правовая норма закреплён в ст. 111 ГПК: «При отсутствии сообщения об изменении места жительства лица повестка посылается по последнему известному суду адресу и *считается* доставленной, хотя бы адресат по этому адресу более не проживал».

Тем не менее в правовой реальности порой встречаются фикции в законе не закреплённые, но считающиеся легальными. Например, фикция деятельного раскаяния или совершения преступления группой лиц при условии, что состоять эта группа будет, исключая одного преступника, из несовершеннолетних. То же самое можно сказать по вопросу, связанному с фиксацией правоприменителем использования фикций, закреплённых в законе. Так, процессуально-правовые фикции реализуются в основном судом первой инстанции и отражаются в протоколе судебного заседания, определениях и решении. Но ни ГПК, ни постановления Пленумов Верховного Суда РФ не дают ответа на то, как должно быть оформлено судебное применение фиктивных норм, логика гражданского процессуального регулирования правосудия очевидна и заключается в следующем. Судья обязан задокументировать использование

¹ Богданов, Е.В. Сущность и ответственность юридического лица / Е.В. Богданов // Государство и право. – 1997. – № 10. – С. 16.

фигции. С этой целью в определении или решении он отмечает как сам факт применения процессуальной нормы, содержащей фикцию, так и основания ее реализации и обязательно – юридические последствия. При этом желательно точно воспроизвести формулу закона.

Например, следует указать, что не явившемуся в судебное заседание ответчику повестка была послана своевременно по последнему известному месту жительства и, руководствуясь ст.ст. 111 и 213(1) ГПК РФ, суд считает его извещенным о времени и месте разбирательства дела. Коль скоро истец не возражает, то по делу выносится заочное решение. При применении ч. 1 ст. 65 или ч. 1 ст. 70 ГПК РФ в судебном протоколе указывается, что та или иная сторона удерживает у себя истребуемое судом письменное либо вещественное доказательство, в связи с чем суд предполагает, что содержащиеся в нем сведения направлены против интересов этой стороны и считаются ею признанными. В выносимом по данному делу решении также должно быть записано о применении соответствующих гражданско-процессуальных фикций.

Такие записи в процессуальных документах, во-первых, легализуют правовые фикции в производстве по конкретному делу; во-вторых, служат неоспоримым доводом законного и обоснованного разрешения заявленного требования. Лицо, участвующее в деле, при обжаловании решения может оспаривать правильность применения нормы, содержащей процессуальную фикцию (не было надлежащего фактического состава для применения данной нормы, неверно определены последствия фикции и т.д.), но не должно сомневаться в правомерности решения в результате реализации фикции, поскольку процессуальные фикции – это хотя и своеобразные, но юридические нормы и их применение вполне соответствует началу законности в гражданском судопроизводстве.

Итак, презумпции, как и фикции, являясь особым приемом юридического и не только юридического мышления, издавна привлекали внимание правоведов. На сегодняшний день эти понятия получили признание в научном обиходе, что не снижает дискуссионности связанных с ними проблем. Одной из таких проблем является необоснованное отождествление указанных понятий некоторыми учеными. Так, некоторые авторы (Д.Мейер, Г.Дормидонтов) рассматривали презумпции как осо-

бую разновидность фикций, другие (например, О.Мушинский), наоборот, считали фикции особым видом презумпций.¹

Действительно, разграничить эти понятия достаточно сложно, в основном ввиду двух причин²: из-за нечеткости понятия презумпции; из-за существования особых разновидностей презумпций, внешне схожих с фикциями, – неопровержимых презумпций и квазипрезумпций (искусственных презумпций), которые формируются не в результате использования индуктивного метода, а при помощи метода экспериментального моделирования.

Основное сходство презумпций и фикций состоит в следующем:

1) оба исследуемых понятия являются видами правовых предположений, однако степень вероятности предположений, заключенных в каждом из них, различна. Необходимо также заметить, что сходство между презумпцией и фикцией по условному принятию их за истину будет тем больше, чем меньшую степень вероятности заключает в себе презумпция;

2) те и другие получают нормативное закрепление, однако характер нормативного закрепления (образования) существенно различается, поскольку правовые презумпции складываются естественно (стихийно, бессознательно), а правовые фикции – искусственно (сознательно, целенаправленно);

3) те и другие являются средством процессуальной экономики;

4) те и другие развиваются, создаются, изменяются постепенно.³

Как мы видим, названные элементы сходства в какой-то степени условны: с одной стороны сближают, а с другой – разграничивают исследуемые явления.

¹ Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 64; Каминская, В.И. Указ. соч. – С. 43.

² Курсова, О.А. Фикции в российском праве. – С. 18.

³ Выводы сделаны на основе указанных работ О.А. Курсовой (С. 19-20), В.К. Бабаева (С. 32-33), Ю.Г. Зуева (С. 64, 71-72), В.И. Каминской (С. 45), а также на основе работ В.А. Ойгензихта (Презумпции в советском гражданском праве. – Душанбе, 1976. - С. 14-16) и Е.Ю. Веденеева (Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве // Государство и право. – 1998. – № 2. – С. 48).

Различия между правовыми презумпциями и фикциями следует проводить не только по степени вероятности предположений и способу закрепления в праве, но и по:

1) способу образования: в основе правовой презумпции лежит индукция или моделирование, в основе фикции – практическая идеализация;

2) характеру: правовая презумпция есть умозаключение, имеющее вероятностный (прогнозируемый) характер, правовая фикция – умозаключение, имеющее мнимый (ложный) характер;

3) возможности опровержения: правовая презумпция может быть опровергнута, однако опровергается не истинность презумпции, а ее применимость к данному случаю, правовая фикция неопровержима, поскольку ее заведомая и очевидная ложность лишает всякого практического смысла обоснование несостоятельности заключенного в ней положения;

4) роли и функциям: правовая фикция выполняет функцию преодоления неопределенности, как правило, не характерную для презумпции (исключение – фактически неопровержимые презумпции);

5) значению в процессе доказывания: если правовая презумпция является основанием для освобождения сторон от доказывания, то фикция может использоваться в процессе доказывания по юридическому делу только как формальное доказательство;

6) форме выражения в правовых нормах: правовые фикции значительно реже получают косвенное выражение, чем презумпции;

7) специфике их взаимодействия: в процессе взаимодействия в правовой системе презумпция-правило сочетается с фикцией-исключением; при этом они дополняют друг друга, но не тождественны.

Таким образом, правовые презумпции и фикции – явления, сходные в отдельных моментах, но достаточно разнорядковые, чтобы отождествлять их.

Такова в общих чертах философская и юридическая природа правовых презумпций и фикций в современном российском праве, но для того, чтобы более качественно и глубоко раскрыть содержание этих явлений и выявить их особенности, необходимо отграничить их от других сходных понятий.

§ 3. ОТГРАНИЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ ОТ СХОДНЫХ С НИМИ ЯВЛЕНИЙ

Исследовать данный вопрос – значит, отграничить правовые презумпции и фикции от иных сходных философских и логических категорий (предположений) для того, чтобы в сравнении с ними еще глубже уяснить характерные особенности изучаемых явлений, а также возможности их использования в правовом регулировании.

Сравнение с гипотезой. В словарях русского языка гипотеза трактуется как «научное предположение, не доказанное, но обладающее некоторой вероятностью и объясняющее ряд явлений, без него необъяснимых»¹ или как «выдвигаемое для объяснения какого-либо явления оригинальное научное предположение, достоверность которого еще не доказана опытным путем»². В познании гипотезы используются как метод развития научного знания, включающий в себя выдвижение и последующую проверку предположений.³ Д.П. Горский определяет гипотезу как «предположительное знание, еще не доказанное логически и не настолько подтвержденное опытом, чтобы считаться достоверным» и потому «гипотеза не истинна и не ложна».⁴

Элементами сходства презумпций и гипотез, выступающими в качестве основы для сопоставления, являются:

1) их предположительный характер. И тем и другим присуща та или иная степень вероятности, это не достоверные обобщения. Однако вероятный характер гипотетических и презумптивных суждений предполагает возможность их опровержения, которая, правда, далеко не всегда реализуется;

2) индуктивный метод образования. Как гипотезы, так и презумпции являются обобщениями индуктивного характера.⁵

Различия между презумпциями и гипотезами заключаются:

- 1) в условиях, причинах и целях их образования;
- 2) в возможности, характере и последствиях опровержения.

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Уманова. – М., 1994. – С. 562.

² Словарь русского языка : в 4 т. – М., 1981. – Т. 1. – С. 696.

³ Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 31.

⁴ Краткий словарь по логике / под ред. Д.П. Горского. – М., 1991. – С. 33.

⁵ Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 20.п

Различия по первому критерию заключаются в следующем:

1) гипотеза возникает тогда, когда нет достаточных оснований для выдвижения теории, когда нет еще возможности проверить ее положения на практике. Презумпции же, представляя собой обобщения предшествующего опыта, постоянно находят практическое подтверждение своей правильности;

2) гипотеза основывается на строго научном предположении, не противоречащем истинным (теоретическим) положениям в данной области исследования. Презумпции во многих случаях могут и не отвечать данному требованию. Многие из них представляют собой обобщения житейского опыта; они формируются на уровне обыденного сознания¹;

3) гипотеза, как правило, выдвигается, чтобы получить качественно новые знания, отличающиеся определенной степенью новизны и «эвристичности». Создание презумпций таких целей не преследует. В отличие от гипотезы презумпция основана и заключает в себе ранее установленную и проверенную опытом закономерность взаимосвязи между сходными наличному и предполагаемому фактами и явлениями. Однако это не означает, что презумпция не имеет никакого познавательного значения. Познавательная функция презумпции состоит в том, что на ее основе выявляются новые факты, аналогичные тем, что легли в основу данного обобщения. Таким образом «презумптивное обобщение "работает" на стадии количественного подтверждения имеющегося знания о том или ином факте, явлении, от количественной характеристики которого возможен переход к качественно новому знанию»².

Это позволяет сделать вывод о том, что знания о презумируемых фактах могут быть положены в основу гипотезы, а гипотетически предполагаемые факты не могут быть основанием презюмирования.

Различия по второму критерию:

1) гипотеза должна удовлетворять условию «принципиальной проверяемости, означающему, что она обладает свойствами фальсифицируемости (опровержения) и верифицируемости (подтверждения)»³. Таким образом, заключенное в ней предположение может быть проверено в дальнейшем в течение

¹ Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 21-22.

² Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 33.

³ Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 124.

относительно длительного времени. Иначе дело обстоит с презумпцией, которая может быть проверена в каждом конкретном случае использования. Таким образом, проверяемость гипотезы носит исторически относительный характер, проверяемость же презумпций абсолютна;

2) гипотеза превращается в научную теорию только если все ее положения находятся в соответствии с другими истинными положениями, если же гипотеза или какое-либо следствие из нее не соответствует хотя бы одному существующему факту, она прекращает свое существование, несоответствие же единичного явления презумптивному обобщению напрямую не влечет ее исчезновение. Чтобы презумпция прекратила свое существование, необходимо длительное несоответствие данного обобщения конкретным фактам.¹

Отсюда следует, что презумпция отображает проверенный практикой порядок вещей и поэтому принимается за истину без доказательств, а гипотеза – это предположение, нуждающееся в проверке. Вероятность истинности презумптивного положения допускает опровержение и всегда установима. Положения же гипотезы всегда требуют доказательства, но иногда на определенном этапе невозможно их проверить.

Иначе обстоит дело при сравнительном анализе гипотез и фикций. Их сходство ограничивается одним элементом – и те, и другие имеют предположительный характер. Правда, степень вероятности в данном случае, у обоих явлений различна, поскольку фикция является предположением о несуществующем факте или о факте, вероятность которого ничтожна или неизвестна.

На этом сходство между фикциями и гипотезами заканчивается. Различия между фикциями и гипотезами обнаруживаются в возможности их опровержения, в методах и целях образования:

1) если, как отмечалось ранее, гипотеза обладает свойством опровержения, то заведомая ложь фикции лишает всякого практического смысла обоснование несостоятельности заключенного в ней положения и позволяет утверждать, что оно не допускает оспоримости умозаключений.² Однако О.А. Курсова считает, что опровержимость фикций все же допускается, но в

¹ Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 34-35.

² Там же. – С. 66.

крайне редких случаях, и потому не может быть определяющим признаком фикции¹;

2) если гипотеза является обобщением индуктивного характера, то фикция, конструируемая при помощи идеализации, не является результатом обобщения. Это результат абстракции, т.к. она не имеет референтов в реальности, при ее помощи моделируется условный объект или отношение²;

3) и гипотеза, и фикция стремятся заполнить существующий вакуум, став тем самым «недостающим звеном», без которого невозможно представить картину в целом. Однако если гипотеза направлена на получение новых знаний, то в случае с фикцией, на наш взгляд, все обстоит иначе. Ее можно отнести к разряду средств, с помощью которых в ряде случаев можно урегулировать ситуацию в «пожарном порядке», ничего, по сути, не меняя (такую роль выполняют фикции в индустском и мусульманском праве), наоборот, еще больше консервируя (здесь можно согласиться с С. Муромцевым) устаревшие отношения (не будь фикций, их волей-неволей пришлось бы реформировать).³ Пример тому – древнеримская фикция, приравнивавшая военнопленных к погибшим, чтобы обеспечить их детям право на наследство.⁴ Ее функция – не обнаруживать, не искать, а замещать.

Резюмируя все изложенное, приходим к следующему выводу: гипотезы, презумпции и фикции по сути своей являются предположениями, однако отождествлять их между собой не следует ввиду немаловажных отличий в вопросах образования и опровержения, особенно, что касается фикций.

Сравнение с версией. В широком смысле слова под версией (от латинского *versio* – видоизменение, поворот) понимают «один из нескольких вариантов изложения, толкований какого-нибудь факта, события»⁵.

С точки зрения логики, версия – это предположительное умозаключение о непосредственно ненаблюдаемых явлениях и

¹ Курсова, О.А. Фикции в российском праве. – С. 27.

² Там же. – С. 13, 17.

³ См.: Каминская, В.И. Указ. соч. – С. 47.

⁴ Черниловский, З.М. Указ. соч. – С. 104.

⁵ Толковый словарь русского языка. – М., 1994. – С. 254.

их связях между собой; представляющее собой разновидность гипотезы или сходное с ней явление.¹

В юридической литературе версия определяется как основанное на фактах (обоснованное) предположение следователя в процессе расследования относительно группы фактов, объясняющее их происхождение (причину), связь между ними и значение для доказывания.² Однако, представляя собой предположительное объяснение факта, версия не тождественна любому предположению, возникающему в процессе доказывания.³

Анализ названных позиций позволяет сделать вывод о том, что по характеру образования версия является разновидностью гипотезы, но сфера ее действия значительно уже. Следовательно, между версией и презумпцией обнаружится, так же как и между гипотезой и презумпцией, больше сходства, чем между версией и фикцией.

Общим для презумпции, фикции и версии признается то, что в основе их находится более или менее вероятностное предположение, но в случае с презумпцией и версией это предположение является еще и обоснованным.

Однако версии отличаются от гипотез, презумпций и фикций следующим своеобразием:

1) версия выдвигается в случае нарушения нормы права.⁴ Возникновение же и существование презумпций и фикций не находится в зависимости от данного условия. Фикция, наоборот, позволяет искусственно сохранить ту или иную норму права даже в исторически изменившихся условиях, не нарушая заложенных в ней моделей поведения, пусть даже путем отрицания истинного положения дел. В то же время это не совсем верно, поскольку большинство правовых презумпций связано с правонарушением (например, презумпция вины причинителя вреда в гражданском праве) и, следовательно, с нарушением предписаний закона.⁵ Поэтому нам представляется, что по данному признаку нельзя обеспечить четкого разграничения данных понятий;

¹ Старченко, А.А. Логика / А.А. Старченко, В.И. Кириллов. – М., 1995. – С. 22.

² Энциклопедический юридический словарь. – М., 1997. – С. 36.

³ Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 58.

⁴ Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 24.

⁵ Зуев, Ю.Г. Там же. – С. 59.

2) версия не закреплена в законе, поскольку выдвигается следователем или судьей, не обладающими законодательной инициативой.¹ В отличие от нее презумпции и фикции отличаются следующие черты²:

необходимость закрепления в законе и только законодателем и никем другим;

общеобязательность для субъектов правоприменения по конкретным делам;

обязательность взаимосвязи с юридическими последствиями (версии могут выдвигаться в отношении события, не наделенного юридическими признаками);

3) версия существует, как правило, в период расследования конкретного дела, в то время как правовые презумпции и фикции сохраняют свое действие весьма длительное время и даже воспринимаются иными правовыми системами (например, презумпция отцовства).³ Тем не менее разграничение данных правовых предположений по поводу существования нам представляется спорным по следующему обстоятельству. В криминалистике используется такое понятие, как типовые версии, являющиеся результатом научного обобщения правоприменительной практики и существующие относительно длительное время, а следовательно, не ограниченные сроками конкретного дела.⁴ Использование типовой версии по первому уголовному делу имеет временные рамки, но то же самое можно сказать и о применимости презумпции к конкретному случаю (например, презумпции невиновности). Однако положение типовой версии и положения, закрепленные в презумпции или фикции, рассчитаны на многократное использование. Особенность заключается в том, что версии по делу должны «корректироваться по мере поступления фактического материала – изменяться, дополняться, углубляться», что, как считают А.И. Винберг, Р.Д. Рахунов и Г.М. Миньковский, не характерно для презумпций и фикций.⁵ Хотя Ю.Г. Зуев утверждает, что данная позиция не является бесспорной уже пото-

¹ Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 25.

² Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 61.

³ Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 24.

⁴ Криминалистика: краткая энциклопедия. – М., 1993. – С. 12.

⁵ Косвенные доказательства в советском уголовном процессе / А.И. Винберг [и др.]. – М., 1956. – С. 91.

му, что юридические фикции имеют определенный период существования, в течение которого они, вполне вероятно, претерпевали изменения.¹ То же самое, в принципе, можно сказать и о презумпциях (например, презумпция вины, существующая в инквизиционном уголовном процессе, в состязательном уголовном процессе сменилась презумпцией невиновности). То есть те и другие правовые явления складывались постепенно, развиваясь;

4) в основу построения версий, в отличие от презумпций (о фикциях в данном случае речь не идет), кладется не только обычность, повторяемость явлений или предметов, но и другие обстоятельства, представляющие собой отклонения от обычного порядка жизненных процессов (подобные аномалии могут относиться к личности преступника, условиям его жизни, способам совершения преступления и т.д.). Версии, построенные без учета этого, часто оказываются неверными;²

5) версия, как и гипотеза, характеризуется еще и тем, что на момент выдвижения заключенных в ней предположений нет реальной возможности их доказать и что подтверждение содержащихся в них выводов необходимо.³ В отношении презумпций, основанных на обобщении опыта, речь может идти лишь о доказательстве обратного (опровержимости), а в отношении фикций, заведомо ложных, в подобных доказательствах просто нет смысла.

Из всех перечисленных признаков, однако, один (второй) юридический признак представляется существенным и верным, и состоит в том, что версии не имеют законодательного закрепления, и именно это обстоятельство лучше всего отличает их от исследуемых нами правовых явлений.

Сравнение с аксиомой. В словарях аксиома определяется как положение, принимаемое без доказательств; очевидная истина; утверждение, принимаемое на веру; очевидная, ясная сама по себе и бесспорная истина, не требующая доказательств.⁴

В логике аксиомами называют положения, не доказываемые в данной науке и играющие в ней – наряду с определениями основных понятий – роль допускаемых оснований всех

¹ Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 68.

² Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 24.

³ Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 57-58.

⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.И. Уманова. – С. 23.

доказываемых в науке истин; «исходные утверждения, которые принимаются за истинные и из которых выводятся (доказываются) все остальные истинные предположения данной теории по принятым в ней правилам вывода»¹.

В юриспруденции под аксиомой понимаются «простейшие юридические суждения эмпирического уровня, сложившиеся в результате многовекового опыта социальных отношений и взаимодействия человека с окружающей средой»². Но исходные по своему содержанию правовые положения только тогда приобретают аксиоматический характер, когда соотносятся с юрисдикционной деятельностью. Там, где отсутствует юстиция и соответствующие ей понятия справедливости и законности, об аксиомах права речь идти не может.

В общей теории права аксиоматических положений много: кто живет по закону, тот никому не вредит; нельзя быть судьей в своем собственном деле; что не запрещено, то разрешено; всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого; люди рождаются свободными и равными в правах; закон обратной силы не имеет; несправедливо наказывать дважды за одно и то же правонарушение; да будет выслушана вторая сторона; гнев не оправдывает правонарушения; один свидетель – не свидетель; показания взвешивают, а не считают; тот, кто щадит виновного, наказывает невиновных; правосудие укрепляет государство; никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам; никто не обязан себя обвинять; ответственность может наступить только за вину; нет преступления без указания на то в уголовном законе и др. Все эти аксиомы играют важную прикладную и познавательную роль.

Кроме того, будучи продуктом опыта, они играют важную регулятивно-организующую роль в сфере правотворчества, правоприменения, судебной, прокурорской и следственной деятельности, оказывают влияние на становление и развитие правосознания, упрочение законности.

Своеобразную классификацию аксиом дает Г.Н. Манов, разбивая их на три группы: аксиомы в процессе правотворче-

¹ Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 17.

² Манов, Г.Н. Аксиомы в советской теории права / Г.Н. Манов // Советское государство и право. – 1986. – № 9. – С. 29.

ства, аксиомы в международном праве, аксиомы, охватывающие права граждан и международно-правовые отношения.¹

На наш взгляд, более оптимальным является деление аксиом на общеправовые (люди рождаются свободными и равными в правах), отраслевые (нет преступления без указания на то в уголовном законе) и межотраслевые (нельзя быть судьей в своем собственном деле). В этом прослеживается общность с классификациями других предположений. Однако толкование этих аксиоматических положений в разных странах может отличаться. Так, если в России аксиома «нет преступления без указания на то в уголовном законе» трактуется следующим образом: «нет преступления без указания на то в уголовном кодексе», то во французском законодательстве она трактуется расширительно: под законом понимается не только кодекс, но и другие подзаконные акты.

Для аксиом, как и для любых других предположений, характерна определенная степень вероятности, в данном случае – очень высокая, но все же допускающая возможность отступлений. Так, аксиома «закон обратной силы не имеет» имеет два исключения: ситуация, когда закон, отменяет и смягчает юридическую ответственность; ситуация, когда в самом законе говорится о том, что его нормы имеют обратную силу. Иными словами это называется «ретроактивность закона».

Таким образом, аксиомы и презумпции сближает в какой-то мере то, что заключенные в них положения принимаются как истинные без доказывания. Кроме того, их объединяет предположительность, вероятность истинности их выводов.

Отличие сравниваемых категорий заключается в следующем:

1) в различии обстоятельств, позволяющих считать их правдоподобными (оснований, по которым не требуется доказывания в обоих случаях). Если аксиомы не подлежат сомнению в силу их очевидности (например, один и тот же человек не может одновременно находиться в двух разных местах), то заключение об истинности презумпций основывается на обобщении жизненной практики;

2) в возможности (невозможности) опровержения. Если аксиомы в виду их очевидности и достоверности неопровер-

¹ Манов, Г.Н. Указ. соч. – С. 29-36.

жимы, то любое презумптивное предположение можно доказать или опровергнуть в каждом конкретном случае;

3) в их значимости, т.е. оба понятия используются в познании, но их роль в нем не однозначна. Значимость аксиоматических положений в этом плане характеризуется способностью аксиом доказать всю совокупность известных истин науки, в то время как презумпции, основанные на статистических закономерностях, могут лишь подтвердить истинность знания об определенной совокупности, классе фактов, явлений;

4) в их содержании и форме. Если содержанием аксиомы являются очевидные и достоверные знания, выраженные в форме общеутвердительного или общеотрицательного суждения, то содержанием презумпции являются факты и предположение вероятностного характера, основанные на знании связи между сходными предметами, явлениями и выраженные в форме неопределенно утвердительного (отрицательного) умозаключения, допускающего оспоримость. При этом оспоримость как возможность выдвижения сомнения в распространяемости (нераспространяемости) презумпций на некоторые явления, факты, допустимо рассматривать как обстоятельство, ограничивающее сферу использования презумптивных предположений. Именно в этом раскрывается ценность сопоставления аксиомы и презумпции.¹

Сходство правовых аксиом и фикций заключается в том, что и те, и другие содержат элемент некоторой условности, впрочем, обусловленной особыми требованиями формальной определенности права, перевода с не правового языка в правовой. Кроме того, правовые фикции и аксиомы обладают чисто внешним сходством – и фикции, и аксиомы неопровержимы и непререкаемы. Если глубоко не проникать в природу фикций и аксиом, эти качества делают их практически неотличимыми. И все же ряд характеристик позволяют говорить о существенных различиях между этими двумя исследуемыми институтами:

1) различие в основании неопровержимости. Основанием неоспоримости аксиом служит несомненная ценность для юридической науки и практики их положений, тогда как основанием неопровержимости фикций является их условный характер, причем такая условность предопределяется необходимостью должным образом урегулировать ситуацию, в основе которой

¹ Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 37-41.

лежит неопределенность любого уровня. Неопределенность в той или иной ситуации при помощи обычных юридических средств (при установлении фактических обстоятельств дела) исчерпана быть не может, и фикция устанавливает императив для того, чтобы не замедлять юридического оборота;

2) различие в их юридической природе. Правовые аксиомы формируются в целом на основе обобщения многогранной юридической практики в рамках правовой науки, тогда как установление правовых фикций – в основном заслуга нормодателя, хотя возможно и закрепление в действующем законодательстве тех или иных юридических моделей, сконструированных при помощи фикции как познавательного приема.

Использование фикций в праве также ограничивается некоторыми условиями. Наиболее важным из них является соответствие положений, конструируемых при помощи фикции, основным ценностным посылкам права, к которым относятся аксиомы;

3) различие в сроках их существования. Аксиомы в праве – сконцентрированные сгустки многовекового правового опыта, своеобразные столпы, на которые опираются юридическая наука и практика в целом. Правовые фикции такими свойствами не обладают. Фикции в праве – в основном вспомогательные инструменты, способствующие более эффективному изложению нормативного материала, адекватному требованиям практики, «переводу» существующих связей и отношений в правовую реальность.¹

На этом сравнение презумпций и фикций с другими сходными явлениями, предположениями, по сути, можно было бы и закончить, если бы не сходство каждого из исследуемых нами правовых явлений в отдельности, в силу их отличий друг от друга, о которых шла речь в § 2, с иными институтами (фикций с символами, а презумпций – с прогнозами, преюдициями, общеизвестными фактами и косвенными доказательствами), изучение которых так же могло бы пролить свет на сущность рассматриваемых правовых феноменов.

Сравнение фикций с символами. Символ (symbolon) в переводе с греческого, означает «знак», «примета», и употребляется в нескольких значениях. В широком смысле слова символ – это образ. Он содержит в себе определенный смысл,

¹ Курсова, О.А. Фикции в российском праве. – С. 21-22.

нераздельно слитый с образом, но ему не тождественный. В структуре символа предметный образ и смысл выступают как два неразделимо связанных друг с другом полюса. Символ характеризуется многослойностью и многозначностью. Символ также средство общения между людьми, призванное представлять тот или иной объект, идею и т.д. Символы можно изображать графически, в их качестве могут выступать неодушевленные объекты и человеческие фигуры. Такие комплексные системы, как речь, письмо или математические знаки, тоже охватываются понятием «символ», поскольку звуки и знаки, используемые сами по себе, не имеют смысла и могут иметь значимость лишь для тех, кто знает, как их интерпретировать в понятных для них терминах. Часть символов формируются спонтанно, часть создаются целенаправленно. Выполняют символы и функцию идентификации тех или иных субъектов. Таким образом, символ представляет собой идейную или идейно-образную структуру, содержащую в себе в скрытой форме все возможные проявления вещи, для которой он является обобщенным и неразвернутым знаком.

С точки зрения культурологии символ есть знак, но совершенно особого рода. Если простой знак – это, так сказать, дверь в предметный мир значений (образов и понятий), то символ – дверь в непредметный мир смыслов. При этом подлинный символ не просто «обозначает» смысл, но и несет в себе всю полноту его действенной силы. Например, в традиционной воинской культуре знамя не просто обозначает тот или иной полк, оно несет в себе саму честь, и утратить знамя – значит, потерять честь.¹

Своеобразным связующим звеном между общей и юридической культурой выступает правовой символ. Он является одним из важнейших приемов не только государственного, но и международного общения. Существует множество классификаций правовых символов по различным основаниям, но чаще всего юридические символы различают по степени устойчивости их формы. В зависимости от этого выделяют постоянные и временные (используемые в отдельной ситуации) юридические символы. К постоянным относятся: государственные гимн, герб и флаг, государственные награды, паспорт,

¹ Культурология : курс лекций / под ред. А.А. Радугина. – М., 1999. – С. 15.

а к временным – звуковые и световые символы, символы действия.

Таким образом, в природе символов и фикций, в частности правовых, много общего: понятие, происхождение в праве, связь с формализмом древней юриспруденции, современная роль как средств формализации права.¹

Кроме того, фикции символы не являются чисто юридическими понятиями. В целом это общие категории, которые могут использоваться и в качестве средств, способствующих познанию тех или иных явлений действительности, и в качестве средств, используемых в теневых юридических технологиях. Собственная символика существует как в среде общеуголовной, так и организованной преступности – это необходимые элементы указанных субкультур. Фикция – необходимое и активно используемое средство в преступной деятельности (в частности, при различных технологиях отмывания «грязных» денег). Однако и различия между этими двумя явлениями весьма существенны.

Они различаются по способу образования. Хоть в основе формирования символа, как и правовой фикции, также лежит процесс идеализации, символ отражает саму суть идеализируемого объекта. Символы вообще и правовые символы в частности существуют и имеют смысл лишь в контексте общения. Символ выступает как способ иносказательного, метафоричного отражения идеи.

Фикция – явление другого порядка. Условность символа сама по себе достаточно условна. Символ условен, но не произволен. Внешнее выражение его идеи имеет тесную связь со смыслом символа. Эта связь представляет собой генезис культурных, политических, этических, национальных традиций. Символ не может быть абсолютно произволен, иначе он теряет свой смысл, ценность и регулятивное значение и превращается в фикцию. Фикция ничто не олицетворяет и не содержит зашифрованного культурного контекста. В принципе, фикция может восприниматься и вне культурного контекста. Если символ читается в культурном контексте, то фикция – в историческом. Разрешение конкретной исторической ситуации – в этом заключается одна из функций фикций. Фикция имеет в

¹ Курсова О.А. Фикции в российском праве. – С. 17.

основном историко-политическое толкование. Она, как уже отмечалось, очевидна, символ же нуждается в толковании.

Функции правовой фикции и символа во многом различны. Правовые фикции применяются не только из соображений пользы, экономии или в целях достижения большей формализации нормативного материала. В некоторых случаях их применение может быть связано с соображениями гуманности (например, нормы СК РФ, связанные с установлением и сохранением тайны усыновления). Примечательно, что в некоторых случаях правовые фикции могут выступать как вид гражданско-правовой ответственности.¹

Таким образом, фикции и символы различаются по следующим признакам: по способу образования, по характеру толкования, по выполняемым функциям.²

Сравнение презумпций с преюдициями. Преюдицией признается вступивший в законную силу судебный приговор или решение, административный акт, изданный компетентным органом в установленном законом порядке, о наличии или отсутствии юридического факта или правоотношения, обязательные для суда, разрешающего дело, связанное с ранее разрешенным. Преюдициальность (от лат. *praesudicio* – предрешение) – обязательность для всех судов, рассматривающих дело принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением или приговором по какому-либо делу.³

Таким образом, нормативный характер преюдиции состоит в следующем: если те или иные обстоятельства уже были предметом юридического исследования и нашли закрепление в правоприменительном акте, вступившем в законную силу, то выводы, полученные при первоначальном разбирательстве дела, считаются неоспоримыми и обязательными для другого органа, вновь разбирающего дело, в котором данное обстоятельство стало предметом исследования.⁴

¹ Зайцев, И.М. Гражданско-процессуальная ответственность / И.М. Зайцев // Государство и право. – 1999. – № 7. – С. 95.

² Курсова, О.А. Фикции в российском праве. – С. 18.

³ Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. – М., 1987. – С. 380.

⁴ Горшенев, В.М. Указ. соч. – С. 116.

Преюдициальное значение судебных решений основано на презумпции истинности судебных решений, вступивших в законную силу. Вынесению законных решений способствует четко регламентированная деятельность по тщательному и всестороннему исследованию обстоятельств дела. Взаимная обязанность решений для суда закреплена как в уголовно-процессуальном, так и в гражданско-процессуальном праве. Однако преюдициальности приговора придается большее значение, поскольку она распространяется не только на установленное им действие, но и на факт совершения (не совершения) его данным лицом.¹ Пределы действия преюдиций определяются пределами действия законной силы приговора. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что преюдиции обладают следующими характерными чертами:

1) это факт установленный вступившим в законную силу решением суда и ставший предметом нового судебного рассмотрения;

2) этот факт обязателен для суда и доказыванию не подлежит;

3) условие преюдиции – реально существующая и установленная законом возможность вынесения истинных, справедливых приговоров (решений) судов;

4) пределы действия преюдиции определяются пределами действия законной силы судебного решения.

Таким образом, презумпции и преюдиции объединяет то, что обе категории не связаны с процессом доказывания относительно их содержательной стороны. Кроме того, логическая природа правовых презумпций совпадает с логической природой преюдиций. А в определенных случаях презумпции (например, презумпция истинности приговора) приобретают форму преюдиций. Вместе с тем следует помнить, что форму преюдиции может принимать не всякая презумпция. Как и презумпции, преюдициально установленные факты могут быть также опровергнуты в установленном законом порядке.² Кроме того, они выполняют одну и ту же функцию – освобождают стороны от доказывания, т.е. служат средством процессуальной экономии.³ Данная точка зрения, впрочем, не является

¹ Крымов, А.А. Указ. соч. – С. 36.

² Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 36.

³ Горшенев, В.М. Указ. соч. – С. 116.

единственной. Так, С.А. Муромцев и В.Д. Спасович не признают за презумпцией этой функции.¹

Различия презумпции и преюдиции заключаются в следующем:

1) в степени вероятности. Если презумпция – предположение, основанное на вероятности, то преюдициально установленные факты обладают максимальной достоверностью, они образуются в ходе тщательной строго регламентированной деятельности следователя. Их истинность может подвергаться сомнению в крайне редких случаях;²

2) в механизме их действия. Если преюдиции освобождают сторону от доказывания, поскольку речь идет об обстоятельствах уже ранее установленных (оцененных, доказанных) и закрепленных в соответствующем правовом акте, то презумпции освобождают от доказывания в силу того, что по своей природе они являются обобщениями «обычного порядка» вещей или явлений в сфере права или в связи с правом, и механизм их действия заключается в перераспределении обязанностей по доказыванию.³ Кроме того, презумпциям не предшествует специальная процессуальная деятельность.⁴

Сравнение презюмируемых фактов с общеизвестными. В юридической литературе под общеизвестными понимаются факты, истинность которых не вызывает сомнений в силу их очевидности и всеобщего признания (момент всеобщности здесь весьма относителен). В процессуальных отраслях такими признаются факты, о существовании которых знает широкий круг людей, в том числе судьи. Закон устанавливает, что общеизвестные факты доказыванию не подлежат (например, ст. 58 АПК РФ). Таким образом, закон предоставляет суду право самостоятельно решать в каждом случае возможно ли данный факт считать общеизвестным. При этом суд должен указать в своем решении, что он признает конкретный факт таковым. По мнению А.А. Крымова, представляется целесообразным закрепление подобной нормы и в уголовно-

¹ См.: Веденеев, Е.Ю. Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве / Е.Ю. Веденеев // Государство и право. – 1998. – № 2. – С. 48.

² Крымов, А.А. Указ. соч. – С. 38.

³ Веденеев, Е.Ю. Указ. соч. – С. 48-49.

⁴ Крымов, А.А. Указ. соч. – С. 37.

процессуальном законе.¹ Однако в отношении презумпций закон не так однозначен: «Три вида фактов не требуют процессуальной деятельности по доказыванию и могут быть положены в основание решения суда как истинные: признанные судом общеизвестными; преюдициальные (предрешенные, т.е. установленные вступившим в законную силу решением или приговором суда); презюмируемые (предполагаемые в силу нормы права существующими)»².

В то же время в комментарии к ст. 58 АПК РФ профессор В.К. Пучинский предлагает иной подход к презумпциям в процессе доказывания. Он пишет: «Появление фактов двух указанных категорий полностью исключает необходимость какого-либо их обоснования участниками спора и исследования судом. Таких последствий не наступает, если освобождение от доказывания или, точнее, от обязанности доказывания истца или ответчика происходит по другим мотивам... процессуальный режим презюмируемых и признанных обстоятельств существенно иной. Они, в конечном счете, должны считаться нормально доказанными»³. По мнению Е.Ю. Веденеева, презумпции наряду с общеизвестными фактами освобождают сторону от доказывания факта, однако механизм их действия заключается в перераспределении обязанностей по доказыванию. Нормально же доказанными следует считать те факты, которые составляют условия применения материально-правовой презумпции.⁴

Не только Е.Ю. Веденеев, но и большинство ученых признают за презумпциями данное свойство, позволяющее им выступать в качестве обстоятельств, не подлежащих доказыванию, что позволяет говорить о некоторых элементах их тождества с презюмируемыми фактами и проводить их сопоставление.

Отличие презюмируемых фактов от общеизвестных заключается в следующем:

1) существование (несуществование) презумпций носит вероятностный характер, наличие (отсутствие) общеизвестных фактов не вызывает сомнений;

¹ Крымов, А.А. Указ. соч. – С. 38.

² Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / под ред. М.К. Треушников. – М., 1996. – С. 90.

³ См.: Веденеев, Е.Ю. Указ. соч. – С. 48 – 49.

⁴ Там же.

2) действие презумпций не ограничено, общеизвестные факты имеют определенную местную ограниченность;

3) презумптивные положения сформулированы законом, общеизвестные факты признаются таковыми судом.¹

Правовые презумпции и косвенные доказательства. В общем смысле слова косвенные доказательства – это доказательства опосредованные, побочные, противоположные прямым. Хотя И.Я. Фойницкий, анализируя по этому поводу различные мнения ученых еще 100 лет назад, признавал устаревшим вообще деление доказательств в зависимости от их источника на прямые и косвенные, ссылаясь на то, что любое доказательство предполагает участие мыслительной деятельности и становится рациональным.² В уголовном процессе под ними понимают установленные посредством различных методов доказательные факты, каждый из которых допускает предположение о причинной связи его с преступлением и которые в совокупности своей служат доказательствами виновности обвиняемого.³

Особенность косвенных доказательств заключается в том, что они не дают однозначного и достоверного вывода о доказываемом факте, а лишь предоставляют возможность сделать предположительный вывод о нем. Косвенные доказательства предоставляют основания для предположения о существовании или не существовании конкретного факта, однако для формулирования достоверного вывода нужна система косвенных доказательств.

Многие авторы при отграничении правовой презумпции от косвенных доказательств указывают на то, что данные понятия различаются тем, что предположение – логический прием установления истинности искомого факта, в то время как косвенное доказательство – это факт, подтверждающий существование искомого факта только в совокупности с другими доказательственными фактами.⁴ Данное положение не вызывает сомнений, однако более логично и целесообразно прово-

¹ Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 38.

² Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1996. – Т. 2. – С. 202.

³ Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 38.

⁴ Крымов, А.А. Указ. соч. – С. 39.

дить сравнение рассматриваемых понятий по признаку предположительности.

В случае с косвенными доказательствами сам факт их существования носит вполне достоверный характер. Признак предположительности присущ лишь самой связи косвенного доказательства с главным фактом (предметом доказывания).

Нечто другое наблюдается в презумпциях. Здесь в центре внимания находятся сами презюмируемые факты, проверка их достоверности. Связь же между фактом презюмируемым и фактами, послужившими основаниями для выведения презюмируемого факта и с ним связанными, считается истинной и доказыванию не подлежит. Истинность ее подтверждается длительной человеческой практикой. Доказывается, следовательно, не достоверность связи, а достоверность самих фактов, если возникает такая необходимость.¹

Итак, признак предположительности является общим для рассматриваемых явлений, хотя в одном случае он присущ связи между обстоятельствами, а в другом – самому обстоятельству (факту), что делает его не совсем удачным для сопоставления указанных явлений. Кроме того, у косвенных доказательств данный признак действует достаточно короткий срок – до установления совокупности косвенных доказательств, что объединяет их с версиями, а презумпции даже в случае опровержения сохраняют свое значение для других подобных фактов.

К тому же презумпция – это явление субъективного характера, предположение, основанное на бесконечной совокупности ранее наблюдаемых фактов и построенное, как правило, при помощи метода индукции. Доказательства же – это фактические данные объективной деятельности, используемые следователем, судьей для познания новых фактических данных, подлежащих установлению. Еще одним немаловажным отличием косвенных доказательств и презумпций является то, что использование первых в процессе доказывания преследует цель установления истины. Презумпции никогда не должны претендовать на достоверность, и даже в неоспоримых презумпциях сохраняется высокая степень вероятности. Однако в уголовном процессе обе категории могут быть использованы для аргументов при разрешении вопроса о виновности обвиняемого.²

¹ См.: Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 40.

² Крымов, А.А. Указ. соч. – С. 41-42.

Презумптивные предположения и прогноз (прогнозирование). Отражение закономерности связи между явлениями и вероятностью вывода, используемого к последующим явлениям, сближает презумпции с прогнозом, и в то же время данные понятия различны.

Прогнозирование в словарном значении – это «разработка прогноза – вероятностного суждения о состоянии какого-либо явления в будущем».¹ Прогнозированием в настоящее время занимаются представители различных общественных дисциплин, юридических наук: криминологии, криминалистики, уголовно-исполнительного права и др. – при нормативном прогнозировании развития законодательства, для выработки мер по разрешению коллизий в праве и т.п.

Ю.Г. Зуев считает, что прогнозирование допустимо рассматривать как акт выдвижения предположения о развитии определенного, в какой-то мере известного явления о возникновении связанных с ним новых явлений.² Гносеологической основой научного прогнозирования, как и презюмирования, является философская категория причинности, а вот логическая основа отлична от презумпций и состоит в методе экстраполяции, т.е. перенесении знаний с одной предметной области на другую, еще не исследованную.

Выделяют три вида прогнозов: краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные. Презумпции, как уже отмечалось, рассчитаны на длительное применение.

Прогноз допустимо определить как предположение, суждение о развитии явления, основанное на связи этого явления с другими и отличающееся вероятностью. Это определение демонстрирует то, что общим между презумпцией и прогнозом является их основа – вероятностное предположение. Кроме того, следует отметить, что оба эти понятия основаны на закономерностях и, как правило, не используются для их объяснения как гипотеза.

Отличия же прогноза от презумпции состоят в следующем:

1. содержание прогноза составляет информация о будущем, подтверждение которой отличается очевидностью, т.е. при прогнозировании всегда подтверждается (опровергается) его достоверность по истечении определенного срока. Для

¹ Философский энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 513.

² Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 42 – 43.

презумпций характерна проверяемость истинности ее вывода в отношении каждого случая, но не всегда эта проверка необходима и не во всех случаях она проводится;

2. если презумпции основаны на прошлом опыте, то прогноз всегда обращен в будущее и представляет собой обоснованное предположение о качественно новом явлении или его состоянии, следовательно, проверяемость его неизбежна и необходима;

3. презумпции, основанные на статистической закономерности связи между фактами и явлениями, проверенной опытом, могут быть использованы для обоснования прогноза, но не наоборот.¹

Такова характеристика вопросов, связанных с отграничением правовых презумпций и фикций от понятий, с ними сходных. Такое разграничение, как указывалось в начале, поможет определить границы исследуемого нами явления, лучше понять его суть, более четко установить сферу его действия и социальное назначение.

§ 4. ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ В ИСТОРИИ ПРАВА

Прежде чем приступить к сути излагаемого вопроса хотелось бы обратить внимание на тот факт, что данный аспект в научной литературе исследован недостаточно, исключение составляет древнеримский период.

Как уже отмечалось, фикции и презумпции широко использовались еще древнеримскими юристами как средства упрощения и формализации. Однако, как утверждает З.М. Черниловский, эти явления по своему происхождению гораздо старше римского права и самой латыни. Первой, по его мнению, появилась номологическая (номоновическая) презумпция или презумпция знания закона.²

И действительно, пока господствовали обычай и изустная традиция, каждый член коллектива знал правила поведения в обществе. Положение изменилось с началом писаного права, поскольку вполне допустимой сделалась ссылка на неграмот-

¹ Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 44 – 45.

² Черниловский, З.М. Указ. соч. – С. 98.

ность, недоступность информации, длительное отсутствие, отдаленность местожительства и т.д. Сталкиваясь с подобной ситуацией, судьи испытывали немалые затруднения, особенно в тех случаях, когда писаное право противоречило многовековой и общепризнанной традиции. Выход был найден в том, что законы стали заносить на более или менее прочный материал, выставлять на всеобщее обозрение, излагать в наиболее доступной форме (например, ритмической прозе) или класть текст на музыкальную основу, так, чтобы, преступив какой-нибудь запрет, нельзя было отговориться неведением. В некоторых государствах обучение праву стало необходимым элементом образования.¹ Также к глубокой древности восходит прямо противоположная номологической презумпции – презумпция исключительной осведомленности. Например, в Риме толкование и применение обычаев до середины V в. до н.э. было непременной привилегией патрициата. В средневековой Японии знание права было исключительной привилегией судей и администрации. С течением времени обычай, согласно которому знанием закона обладают лица, занимающие определенное социальное или должностное положение, приобрел значение презумпции: каждый, кто обнаруживал не положенную ему осведомленность в праве, политике, обряде и прочем, признавался виновным в публичном проступке или преступлении и должен был доказывать свою невиновность. Данную формулу не поколебали даже буржуазные революции с их теориями «народного суверенитета» и «правового государства», поскольку исполнительной власти предоставлялось право издания актов, связанных с исключительной осведомленностью (оборона, дипломатия, государственная безопасность и т.д.). Презумпция исключительной осведомленности может быть констатирована (хотя и с оговорками), по мнению З.М. Черниловского, и в тех случаях, когда закон, несмотря на его публикацию, остается недоступным.² Пример тому кодексы типа Германского Уложения с их нарочито специализированным понятийным аппаратом, бесконечными отсылками, пресловутыми «каучуковыми формулировками».

¹ Так, в Риме знание Законов XII таблиц, подтвержденное экзаменом, считалось предварительным условием гражданской правоспособности.

² Черниловский, З.М. Указ. соч. – С. 99.

С возникновением презумпций, получивших специальное назначение, элемент привилегированности стал неременным почти для всех соответствующих случаев. Например, в случае толкования права. Суть презумпции привилегированного толкования может быть выражена формулой: толкование права есть привилегия правоприменяющего органа власти. Все другие формы толкования становятся субсидиарными, опровергаемыми, не обеспеченными защитой. Так, особым родом привилегированного толкования является судебное толкование.

Е.Ю.Веденеев также отмечает, что «презумпции появились в арсенале процессуальных правил как средство упрощения (своего рода формула распределения *onus probandi*)». Римскому праву были известны следующие презумпции: «*praesumptionen hominis*» – вероятное предположение, сделанное судьей; «*praesumptionen juris*» – законная опровержимая презумпция (добросовестность владения); «*praesumptionen juris et de jure*» – законная неопровержимая презумпция. Они выросли из раннего римского процесса, когда разбирательство осуществлялось путем произнесения определенных формул, заранее предустановленных, что существенно упрощало разрешение спора для судьи. Впоследствии, с усложнением судебного процесса, понимание того, что он не обойдется без специальных способов, упрощающих собирание и исследование представляемых суду доказательств, привело к появлению правил, получивших название презумпций – правовых предположений. В средневековом процессе широко применялась присяга как бесспорное доказательство того, в чем она учинена. По мнению Е.Ю. Веденева, в этом также есть «исторический след презумпций, появившихся в римском процессе».¹

Другой вид «юридического предположения» – так называемая юридическая фикция – также была известна еще римскому праву. Например, подобно праву других народов древности римское право видело в военнопленном раба, лишеного гражданских прав. Следовательно, его дети не могли иметь никаких прав на наследство, оставленное попавшим в плен отцом. Чтобы восстановить справедливость наперекор установленной догме, была создана фикция, по которой «пленный, не вернувшийся от врагов, считается мертвым с момента пленения». Идя тем же путем, Корнелиев закон предписывал, чтобы

¹ Веденеев, Е.Ю. Указ. соч. – С. 47.

завещания римских граждан, оказавшихся во вражеском плену, рассматривали, как если бы они были составлены в Риме.

Другим примером служит известное английское положение «Король не может ошибаться», изобретенное в качестве юридической основы неотвечественности короны и импичмования ее министров, чьи «советы» могут быть сочтены ошибочными или преступными.¹

В указанных случаях использование законодателем фикции позволяло выйти из затруднительного положения с наименьшими затратами. Не нужно было менять общественно-политический строй рабовладельческого государства, не было нужды сомневаться в божественной природе королевской власти и т.п.

Обращаясь к сравнительно недавнему прошлому, отметим, что история зарубежного законодательства об акционерных обществах испытала влияние представлений о юридической фикции как законоустановленной неправде. Прежде всего, оказываются в резком противоречии общее правило, устанавливающее минимальное число участников акционерной компании, и реальность ее «единочисленного» варианта. Уже по одному этому выступает наружу теория фикций. Кроме того, юристы, имеющие отношение к такого рода «ассоциациям», испытывают понятные трудности в попытке определить их юридическую природу (публичные или частные).²

Интересна также, сама по себе, история появления и генезиса фикции существования юридического лица, т.е. цели создания, обособления имущества и способности юридического лица выступать от своего *имени* в гражданском обороте.

Юридическое лицо – это не социальная реальность, а фикция, камуфляж. Конечно, не сразу дошло до этого. На периоде становления конструкции юридического лица, в частности в виде товариществ, у них были другие задачи и цели. Прежде всего, наследники умершего хозяина предприятия объединялись вокруг имущества, доставшегося по наследству, для продолжения предпринимательской деятельности их родителя. Имущество в этом случае было своего рода центром притяжения физических лиц, поскольку только в случае их объединения можно было продолжить дело отца, тогда как дробле-

¹ Черниловский, З.М. Указ. соч. – С. 104.

² Там же. – С. 105.

ние имущества между наследниками означало прекращение соответствующей деятельности.

Однако с течением времени многие увидели в конструкции юридического лица прекрасную возможность ухода от ответственности своим имуществом, и постепенно основной задачей и предназначением юридического лица становится перенесение тяжести ответственности с физических лиц на лицо юридическое.¹

История возникновения самого термина «юридического лица» уходит в раннее Средневековье. В римском праве данная категория не использовалась, т.к. имущественные союзы приравнивались к физическим лицам (личности). В Средневековье же, наоборот, не отдельный человек являлся правоспособным, а союз (корпорация).

Одно из первых толкований юридического лица дал сам папа Иннокентий IV в 1245 г. Он писал, что юридическое лицо существует лишь в понятии и только благодаря фикции, «оно не одарено телом, а значит, не обладает волей; действовать могут лишь члены, но не сама корпорация, потому она не может совершать преступления, а следовательно, понести наказание».²

Однако первое капитальное научное исследование понятия юридического лица осуществил Ф.К. Савиньи (теория фикций или «теория олицетворения»). Суть его теории сводилась к следующему: поскольку сознанием (волей) обладает только человек, а, с другой стороны, имущественные права, как показывает жизнь, принадлежат не только одному человеку, но и союзу людей, законодатель признает за корпорацией свойства личности, отдавая отчет, что корпорация личностью быть не может, т.е. прибегая к фикции.³ Данная теория была воспринята законодателем, но подвергалась критике со стороны юристов, опираясь на то, что если фикция – вымысел, то корпорация – реальность, и если «субъект права» не только человек, но, например, и животные при наследовании, корпо-

¹ Богданов, Е.В. Сущность и ответственность юридического лица / Е.В. Богданов // Государство и право. – 1997. – № 10. – С. 99.

² Хохлов, Е.Б. Понятие юридического лица: история и современная трактовка / Е.Б. Хохлов, В.В. Бородин // Государство и право. – 1993. – № 9. – С. 153.

³ Там же. – С. 156.

рация – не фикция. Некоторые ученые (Р. Йеринг, Н.М. Коркунов) решали эту проблему путем отрицания самого юридического лица. Некоторые исследователи шли еще дальше, отрицая существование не только юридического, но и физического лица (Трубецкой), считая, что все – суть юридические абстракции.¹

Однако если ранее теорию фикции разделяли далеко не все исследователи, то постепенно в конструкции юридического лица все отчетливее стала проявляться фиктивность его существования.² Ситуация стала напоминать «кукольный театр, где зрителю показывают куклу, управляемую артистом, скрытым от публики»³. В настоящее время основной теорией, объясняющей сущность юридического лица на Западе, является именно теория фикций.⁴

Современная доктрина юридического лица в целом базируется либо на теории фикций, либо на органической (реалистической) теории, либо на позитивных теориях, не внося ничего принципиально нового. Однако преобладающей теорией по-прежнему остается теория фикции, получившая распространение и в России, особенно в связи с появлением и законодательным признанием компаний одного лица.

Так, согласно п. 6 ст. 98 ГК РФ АО могут быть созданы одним лицом или состоять из одного лица в случае приобретения одним акционером всех акций общества. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью также могут быть созданы одним лицом (п. 1 ст. 87 и п. 1 ст. 95 ГК РФ).⁵

Есть множество других примеров «жизнестойкости» фикций, когда данное явление сохранялось, несмотря на кардинальные изменения общественных отношений. Это утверждение подтверждает следующий пример: в советский период, когда гражданам запрещалось работать по совместительству (т.е. больше, чем на одну ставку), люди выходили из сложившегося положения, трудоустраивая своих родственников, знакомых, как правило, пенсионеров. В данный момент, когда такой за-

¹ Хохлов, Е.Б. Указ. соч. / Е.Б. Хохлов, В.В. Бородин. – С. 157.

² Красавчиков, О.А. Сущность юридического лица / О.А. Красавчиков // Советское государство и право. – 1976. – № 1. – С. 48-50.

³ Богданов, Е.В. Указ. соч. – С. 100.

⁴ Там же. – С. 99.

⁵ Там же. – С. 97.

прет перестал существовать, эта фикция сохранилась, хотя основания для ее существования теперь иные: получение стажа, который является необходимым условием трудоустройства молодых специалистов; уклонение от уплаты налогов с доходов.

Знакомы с правовой фикцией были и древнеримские преторы, применявшие ее в процессуальных формулах для получения новых правовых последствий. В праве были распространены так называемые «*actio ficticia*» (иски с фикцией). В тех случаях, когда претор признавал необходимым распространить предусмотренную законом защиту на какое-то новое, не предусмотренное в законе отношение, он предлагал судье в формуле допустить существование некоторых фактов, которых в действительности не было, и с помощью такой фикции подвести новое отношение под один из существующих исков.¹

Однако появление фикций как особого законодательного средства не исчерпывается указанными функциями, иначе с развитием правовых регуляторов, с характерной для сегодняшнего права интенсивностью обновления правовой базы в них могла отпасть необходимость. Но фикции способны так же к урегулированию ситуаций так называемой «невосполнимой неизвестности», что тоже давно известно. И здесь им нет конкурентов.

Таким образом, как мы видим, юридические презумпции и фикции имеют длительную историю существования и широкий географический ареал распространения. Причины такой «жизнестойкости» презумпции и фикции связаны с рядом причин:

1) динамизмом общественных отношений, с одной стороны, и консервативностью общественного мышления – с другой;

2) удобством использования: презумпции как средств экономии времени и сил в процессе доказывания, фикции как быстрого, а порой и единственного способа устранения «пробела» в ситуации невосполнимой неизвестности;

3) отсутствием более совершенных средств правового регулирования, способных их заменить во всех без исключения случаях.

¹ Курсова, О.А. Фикции в российском праве. – С. 8.

§ 5. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ

Классификация презумпций и фикций представляет собой определенную сложность, связанную с многообразием критериев классификации и отсутствием единства точек зрения по отдельным вопросам. Рассмотрим для начала классификацию презумпций.

Английские исследователи, например, предлагают классифицировать презумпции по формальной стороне дела. В таком случае на одном полюсе находятся «презумпции права», выведение которых диктуется самим делом, предметом правоотношения, на другом – «презумпции факта», устанавливаемые по воле суда.¹ В советском праве они классифицируются как «законные» презумпции и презумпции «общечеловеческие» соответственно. Законные презумпции, в свою очередь, делятся на условные, т.е. такие презумпции, когда факты, положения или права субъекта предполагаются установленными, пока не доказано обратное, и безусловные, т.е. такие презумпции, когда факты предполагаются установленными без допущения доказывания обратного. Однако советское право безусловных законных презумпций и общечеловеческих презумпций не признавало.²

З.М. Черниловский предлагает еще одну классификацию презумпций по их сущности, согласно которой презумпции распадаются на две группы: позитивные и негативные. Негативные презумпции более всего встречаются в цивилистике. Например, во французском праве распространена презумпция ненадлежащего надзора, в соответствии с которой отец и мать отвечают за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми, ремесленники – за действия своих учеников, лица, давшие поручение – за причинение вреда, связанное с поведением «порученцев». Английское право, допуская презумпцию ненадлежащего надзора и выбора, различает ответственность хозяина за действия «независимого контрактора», обязанного представлять нанимателю один лишь результат своей работы, от ответственности за правонарушения, допущенные служа-

¹ Черниловский, З.М. Указ. соч. – С. 104.

² Юридический словарь / гл. ред. П.И. Кудрявцев. – М., 1956. – Т. 2. – С. 222.

щим, хотя бы сам хозяин не только не допускал их совершение, но даже запретил бы их, если бы предвидел.¹

В.А. Ойгензихт предлагает совершенно иную классификацию презумпций, а именно деление презумпций на процессуально-правовые и материально-правовые, чего нет у русских юристов, рассматривающих презумпцию как институт процессуального права. Впрочем, подобное отношение встречается, по мнению В.А. Ойгензихта, и среди советских правоведов. «Нельзя сказать, чтобы в правовой литературе отрицалось за презумпциями материально-правовое значение, но при определении этой категории ученые, по существу, не отходят от процессуальных признаков. Неправильная оценка материально-правовых презумпций происходит и потому, что далеко не всегда видят наличие таких презумпций, подчас считая их презумпциями процессуальными»².

В.А. Ойгензихт предлагает при разграничении презумпций исходить из основания разграничения отраслей права на материальные и процессуальные, поэтому презумпция, содержащая правило для разрешения дела по существу, а не порядок применения норм, является материально-правовой. Процессуальная презумпция – это одно из оснований, исключающее представление доказательств для вынесения судебного решения или указывающее субъекта процесса, на которого возлагается бремя доказывания.

Бесспорно, что материально-правовые презумпции не идентичны, однако их дифференциация, по мнению В.А. Ойгензихта, заключается в их разграничении на два основных вида: на презумпции очевидного факта и на презумпции неустановленного факта. К первому виду относятся презумпции, вытекающие из очевидных ситуаций, при которых данный вывод – наиболее часто встречающийся результат как обобщение практики. Однако неверно полагать, что это обобщение из приблизительного становится абсолютным, поскольку презумпция всегда строится на высокой степени вероятности. К презумпциям второго вида относятся все презумпции, являющиеся наиболее вероятным выводом из недоказанного неустановленного факта (положения).³

¹ Черниловский, З.М. Указ. соч. – С. 102-103.

² Ойгензихт, В.А. Указ. соч. – С. 25.

³ Там же. – С. 28.

Среди материально-правовых презумпций очевидного факта можно назвать, например, презумпции Общей части гражданского права. К ним относится прежде всего презумпция смерти, на которой основано объявление гражданина умершим (ст. 45 ГК РФ). При некоторых обстоятельствах, в том числе при длительном безвестном отсутствии, далеко не всегда можно безусловно установить факт смерти, но другие установленные факты вполне достаточны для очевидного вывода о смерти лица, т.е. о признании презумпции его смерти. Вывод, основанный на такой презумпции – истина, а не вероятность, ибо вероятной смерти не бывает. Поэтому, из смысла ст. 45 ГК, следует вывод, что для презумпции смерти и основанного на ней объявления судом лица умершим необходимо не только отсутствие сведений о местопребывании лица, но и длительное отсутствие данных о том, что это лицо находится в живых.

К презумпциям очевидного факта Общей части гражданского права относятся и презумпция бесспорности требования, с которой связан перерыв сроков исковой давности (ст. 203 ГК), и презумпция перехода права собственности к получателю при сдаче отправителем груза перевозчику, презумпция согласованности действий по распоряжению общей совместной собственностью супругов, Особое место в вопросе приобретения права собственности занимают презумпции наследственного права: принятия наследства и отказа от наследства.¹

К презумпциям очевидного факта относится и уже не раз упоминавшаяся в работе презумпция знания закона. На ряд презумпций данного вида указывают и некоторые статьи транспортных уставов. В изобретательском праве существует презумпция приоритета: предполагается, что подавший ранее других заявку является первым изобретателем.² Встречаются презумпции очевидного факта и в семейном праве. Это, прежде всего презумпция отцовства (ст. 48 п. 2 СК РФ).

Презумпции неустановленного факта вступают в действие, когда тот или иной вывод не сделан именно потому, что для этого не представилась возможность, когда нельзя сделать ни положительным, ни отрицательным вывод о существовании соответствующего факта (положения). В уголовном праве и процессе это встречает естественные возражения, поскольку

¹ Ойгензихт, В.А. Указ. соч. – С. 29.

² Там же. – С. 30.

неопределенность не может толковаться не в пользу обвиняемого. Из презумпции невиновности следует, что недоказанность виновности в юридическом отношении приравнена к доказанности невиновности.

Но если в уголовном праве, учитывая особые последствия, объяснимо отождествление недоказанности вины с невиновностью, то в гражданском праве для такого утверждения нет оснований и неустановление определенных фактов не должно означать их безусловного отсутствия. Причем презумпция неустановленного факта не исходит из того, имеется или нет вина в неустановлении факта, по какой причине он не установлен. Поэтому, по мнению В.А. Ойгензихта, нельзя согласиться с утверждением, что презумпции, преследуя цель установления действительных фактических обстоятельств, могут явиться препятствием, если станет невозможным представление доказательств, которые могли бы опровергнуть презумпцию. Как раз в такой ситуации презумпции позволяют найти правильное решение, которое будет построено на высокой степени вероятности, что означает его истинность.¹

Наибольшее значение в гражданском праве среди презумпций неустановленного факта имеет презумпция вины, наличие которой, как отмечает В.А. Ойгензихт, признается не всеми учеными. Обычно условием ответственности является вина и лишь в определенных случаях предпосылкой ответственности является презумпция неопровержения вины, т.е. недоказанности невиновности. И если субъект в силу сложившихся обстоятельств лишен возможности, опровергнуть свою вину, то условием ответственности будет его риск, а не факт причинения вреда или сама презумпция, как принято считать. Презумпция не исходит от субъекта, поэтому является не условием, а лишь предпосылкой ответственности. Таким образом, презумпция заключается не в самой вине, а в ее неопровержении, в недоказанности невиновности.

К презумпциям данного вида относятся также презумпции неопровержения ненадлежащего поведения и неопровержения причины, вызвавшей отрицательный результат. При этом в условиях совместного причинения такого результата и невозможности установления конкретной соразмерности при-

¹ Ойгензихт, В.А. Указ. соч. – С. 31.

чин следует находить из презумпции их нераздельности – презумпции совместного причинения.

Если не установлен факт распространения порочащих сведений, но и не доказано иное, когда остается определенное сомнение в достоверности или недостоверности таких сведений, вступает в действие презумпция и вопрос решается в пользу заявившего требование о защите на основании презумпции неустановления достоверности сведений, порочащих честь и достоинство.¹

Завершая рассмотрение данной классификации, хотелось бы отметить, что, хотя процессуально-правовые и материально-правовые презумпции отличаются друг от друга по существу, ряд презумпций имеют отношение к тому и другому праву. Так, презумпция «дееспособности несовершеннолетнего» для материального права определяет освобождение от доказывания факта дееспособности.²

Деление презумпций на материально-правовые и процессуальные встречается и у Е.Ю. Веденеева. Но в качестве критериев, позволяющих отделить материально-правовые презумпции от процессуальных, у Е.Ю. Веденеева выступают цель и механизм действия презумпций. Вместе с тем он также отмечает, что в большинстве правовых норм материальные и процессуальные виды презумпций тесно переплетаются, но это не тождественные, а совершенно различные, хотя и взаимосвязанные, презумпции. В данном случае материально-правовая презумпция будет являться предпосылкой для существования процессуальной. Е.Ю. Веденеев называет подобное правовое предположение комплексной презумпцией.³

Хотелось бы упомянуть еще об одной классификации, встречающейся в работах обоих ученых, а именно о делении презумпций на прямо предусмотренные в правовой норме и так называемые «косвенные», о наличии которых можно лишь сделать вывод из соответствующей правовой нормы.⁴ Таких презумпций, как отмечает Е.Ю. Веденеев, подавляющее большинство. К их числу относятся, например, предположения

¹ Ойгензихт, В.А. Указ. соч. – С. 32.

² Там же. – С. 26.

³ Веденеев, Е.Ю. Указ. соч. – С. 43.

⁴ Ойгензихт, В.А. Указ. соч. – С. 28; Веденеев, Е.Ю. Указ. соч. – С. 43.

доброкачественности вещи и «денежности» договора займа. Разновидностью косвенных являются скрытые презумпции, которые обнаруживаются с трудом, поскольку в правовой норме отсутствует даже ссылка на распределение бремени доказывания. Вопрос о применении подобных «презумпций» на практике остается открытым. Одной из причин существования «косвенных» презумпций является неудачность законодательных формулировок. Широкое поле для этого дает и грамматическое толкование норм, содержащих слова типа «считается», «предполагается», «не доказано», «доказывается». Чтобы исключить подобные явления презумпции должны закрепляться в законах и формулироваться так, чтобы не требовалось их расширительное толкование – ни судебное, ни доктринальное. «Нельзя выводить презумпции исходя из смысла законодательства, т.к. это не вносит ясности в их применение на практике и лишает презумпцию того правового значения, которым она в действительности обладает»¹.

Итак, мы рассмотрели уже не одну классификацию презумпций, хотя их осталось еще немало, однако следует отметить, что основное разграничение презумпций идет по пути их деления на опровержимые и неопровержимые.

Еще Е.В. Васьковский писал о неопровержимых и простых презумпциях. При этом к первым он относил предположение, что «крепостные заемные письма признаются оплаченными и доказывание их безденежности не допускается» или: «присяга принималась за доказательство того, в чем она учинена, и не могла быть опровергнута никакими другими доказательствами (ст. 4998 Устава гражданского судопроизводства)»².

А.Ф. Клейнман выделял в советском праве опровержимые, неопровержимые и фактические презумпции. Под опровержимой презумпцией он понимал предположение о существовании факта, которое законом дозволено опровергать. Под фактической презумпцией – предположение, которое делает суд по своему внутреннему убеждению, выводя их одних фактов заключение о существовании других фактов в соответствии с обстоятельствами дела. Неопровержимая презумпция, по мнению А.Ф. Клейнмана, состоит в предположении о существовании определенного факта, установленного законом, за-

¹ Цит. По: ст.: Веденеев, Е.Ю. Указ. соч. – С. 46.

² Там же. – С. 47.

прещающем опровергать презюмируемый факт. Традиционный пример – ст. 429 ГК РСФСР: «Если присутствующий в месте открытия наследства наследник в течение трех месяцев со дня принятия мер охранения не заявит подлежащему суду об отказе от наследства, он считается принявшим наследство».¹

Склонен подразделять презумпции на опровержимые и неопровержимые и С.А. Комаров.² К.С. Юдельсон, наоборот, высказал мнение, что советское право не знает неопровержимых презумпций, которые не согласуются с принципом объективной истины. Любая презумпция может быть опровергнута, т.к. заинтересованные лица вправе доказывать, что в данном случае предположение не оправдалось.³

Этого же мнения придерживается Е.Ю. Веденеев, склонный считать, что понятие неопровержимой презумпции является выходящим за рамки самой природы правовых предположений.⁴ А то, что Е.В. Васьковский приводит в качестве примера неопровержимых презумпций, Е.Ю. Веденеев называет разновидностью императивных правовых норм, которые влекут исключительно процессуальные последствия.

Однако он разделяет мнение А.Ф. Клейнмана относительно опровержимых и фактических презумпций, считая, что последние важны тем, что в них отражается определенный подход судебных органов к оценке тех или иных фактических обстоятельств дела.⁵

В.А. Ойгензихт также пишет о дискуссии в советском праве по поводу опровержимости или неопровержимости презумпций. При этом он отмечает, что некоторые ученые, отстаивая ту или иную позицию, впадают в крайности, отрицая наличие презумпций там, где они есть (презумпция принятия наследства) или видя их там, где их нет (презумпция освобождения малолетнего от ответственности).⁶ По мнению же самого В.А. Ойгензихта, презумпции всегда опровержимы, а там,

¹ См.: Клейнман, А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе / А.Ф. Клейнман. – М., 1950. – С. 69.

² Комаров, А.С. Общая теория государства и права в схемах и определениях / А.С. Комаров. – М., 1998. – Рис. 15.6; С. 49.

³ Юдельсон, К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе // К.С. Юдельсон. – М., 1951. – С. 267.

⁴ Веденеев, Е.Ю. Указ. соч. – С. 48.

⁵ Клейнман, А.Ф. Указ. соч. – С. 69.

⁶ Ойгензихт, В.А. Указ. соч. – С. 27.

где усматривается наличие неопровержимой презумпции, – это лишь мотив включения определенного положения в правовую норму или наличие установленного факта.¹ Кроме того, правовые презумпции подразделяют на²:

- общеправовые, межотраслевые, отраслевые, правовых институтов;

- допускающие доказательство противного, не допускающие доказательство противного;

- убедительные, доказательственные, разрешительные;

- высоковероятные (естественные) и квазипрезумпции (искусственные);

- императивные и диспозитивные;

- несомненные, оспоримые и презумпции факта;

- предварительные, принудительные и несомненные;

- и др.

Мы рассмотрели лишь наиболее популярные из существующих классификаций презумпций. Однако среди авторов порой не существует единства мнений. Одни признают «обще-человеческие» презумпции, другие их отрицают, одни видят материально-правовое значение презумпций, другие не отходят от процессуальных признаков, одни выделяют в праве неопровержимые презумпции, другие считают, что любая презумпция опровержима.

Подобное многообразие взглядов объясняется тем, что правовая природа презумпций должным образом в научной литературе не исследована.

Теперь обратимся к классификации фикций. Как уже отмечалось выше, несмотря на все многообразие фикций и на многовековую историю их существования, в юридической литературе, к сожалению, редко встречается серьезные попытки классификации этих правовых институтов. Наиболее полно, на наш взгляд, классифицируются фикции в работах О.А. Курсовой. Автор выделяет следующие виды фикций:

I) легальные:

1) порожденные реалиями юридической науки:

- статистические;

¹ Ойгензихт, В.А. Указ. соч. – С. 33.

² См.: Сериков, Ю.А. Классификация презумпций в науке гражданского процессуального права / Ю.А. Сериков // Арбитражный процесс. – 2004. – № 5. – С. 18-25.

- динамические;
- 2) порожденные антропогенными факторами:
 - материальные;
 - процессуальные;

II негативные:

- фиктивные действия;
- фиктивные состояния.

Охарактеризуем каждую из предложенных классификаций более подробно.

Итак, являясь универсальной категорией, фикция используется и на уровне формирования и развития правовых конструкций, и на уровне правореализации. Применительно к этим различным сферам фикция приобретает специфические черты и качества. На уровне правотворческой деятельности фикции проявляются и как сознательно используемый законодателем прием мышления, и как свойство норм права не соответствовать потребностям общества. На уровне правореализации фикции применяются для достижения противоправных целей, вполне удачно вписываясь не только в законные, но и в «теневые» технологии. Следовательно, будет вполне правомерным выделить, как и предлагает О.А. Курсова, два вида правовых фикций: легальные и негативные. Критерием в данном случае выступает цель использования, фикции.

Под легальными правовыми фикциями автор понимает такие «средства юридической техники, при помощи которых конструируются заведомо не существующие положения (отношения или состояния), признаваемые существующими и обладающие императивностью, играющие роль недостающего юридического факта в ситуации невосполнимой неизвестности, закрепленные нормами права»¹.

В свою очередь, легальные фикции автор предлагает классифицировать еще по двум основаниям: в зависимости от их обусловленности теми или иными реалиями и по отраслевому признаку (принадлежности). Среди реалий автор различает две группы отношений. Первая – человек в его антропологических экзистенциях, со всеми его природными качествами, а также отношения в природе (натуралии), в окружении которых происходит жизнь человека, его социальное общение.

¹ Курсова, О.А. Фикции в российском праве. – С. 14.

Вторая группа – реалии, обусловленные особенностями правовой реальности, вызывающими необходимость существования юридических условностей, часть которых можно отнести к фикциям. При этом реалии юридической науки нередко оказывают существенное влияние на формирование той или иной юридической категории, в том числе и на использование фикции и ее закрепление в законе.¹ Речь идет о доктринальных фикциях, нашедших закрепление в законодательстве.

Фикции, вытекающие из юридических реалий, представляют собой устойчивые юридические модели разной степени сложности. Некоторые из них существуют давно и формировались в течение продолжительного времени. Следует отметить, что существование такого рода моделей обуславливается также особенностями юридического познания и общими тенденциями развития юридической науки. Они вплетаются в научные традиции юриспруденции, поэтому их можно назвать статическими. К ним относятся такие общеизвестные юридические фикции, как понятие юридического лица, экстерриториальность, обратная сила и др. Другие фикции, относящиеся к этой же категории, возникают сообразно текущим потребностям юридической практики и могут видоизмениться со временем или исчезать и обладают более простой конструкцией, формируясь самим нормодателем, исходя из текущих потребностей юридической практики. В силу их неустойчивости, изменчивости их можно отнести в разряд динамических.² Например, ч. 2 ст. 435 ГК РФ определяет: «Если извещение об отзыве оферты поступило раньше или одновременно с самой офертой, оферта считается не полученной». Подобная конструкция предусмотрена и ст. 439 ГК РФ об отзыве акцепта.

Наиболее ярким примером фикций другого рода – фикций, вытекающих из отношений в природе и обществе (натуралий) – являются фикции в семейном праве. Фикции в этой сфере отношений приравнивают друг к другу, как правило, те или иные социальные или биологические состояния, причем отправным моментом такого приравнивания являются соображения не только нормотворческой экономии, но и гуманизма.

Возьмем хотя бы конструкцию института усыновления в российском праве, использующую следующие фикции: для

¹ Курсова, О.А. Фикции в российском праве. – С. 23.

² Там же. – С. 24.

обеспечения тайны усыновления могут быть изменены дата и место рождения усыновленного ребенка (п. 1 ст. 135 СК РФ); усыновленные дети и их потомство и усыновители и их родственники приравниваются к родственникам по происхождению (п. 1 ст. 137 СК РФ); по просьбе усыновителей суд может принять решение о записи усыновителей в качестве родителей (п. 1 ст. 136 СК РФ) и т.д. Однако связанные с усыновлением отношения вплотную соприкасаются с целым комплексом проблем морально-нравственного плана, что в связи с новейшими открытиями в области генетики и медицины (искусственное оплодотворение и т.п.) лишь осложняет положение в этой сфере и делает использование фиктивных конструкций необходимым, и в первую очередь исходя из гуманных соображений, юридическим средством, способным разрешить возникающие перед законодателем проблемы.¹

Эти группы реалий получают дополнительную окраску, попадая в сферу регулирования той или иной отрасли права. Классифицировать их по отраслевому признаку не совсем целесообразно, т.к. займет очень много места, но следует тем не менее выделить следующие виды:

- гражданско-правовые (фикция юридического лица, фиктивное банкротство, мнимая сделка);
- гражданско-процессуальные (перемена адреса во время производства по делу);
- уголовно-процессуальные (фикция истины в уголовном процессе);
- семейно-правовые (фиктивный брак, фикция усыновления) и т.п.

Встречаются также фикции в арбитражно-процессуальном праве (например, ст. 111 АПК РФ гласит, если лица, участвующие в деле, не сообщили арбитражному суду об изменении своего адреса во время производства по делу, то процессуальные документы направляются по последнему известному арбитражному суду адресу и считаются доставленными, хотя бы адресат по этому адресу более не находится или не проживает).

В налоговом законодательстве, которое тоже довольно богато фикциями, в качестве одного из примеров можно при-

¹ Курсова, О.А. Указ. соч. – С. 26.

вести включение в облагаемый доход физического лица материальной выгоды в виде неуплаченных процентов по заемным средствам (Федеральный закон от 10 января 1997 г. «О внесении изменений в закон РФ "О подоходном налоге с физических лиц"»).

Примером одной из фикций в конституционном праве может послужить формулировка ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 10 июля 1999 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ»

И уже приведенная (неполная) классификация позволяет нам выделить фикции материальных отраслей права и фикции процессуальных отраслей права. Здесь немаловажно отметить, что фикции материальных отраслей права выполняют как общие в целом для фикции, так и специальные, особенные для определенной отрасли, функции.¹ Специфика отраслевых фикций обуславливается предметом правового регулирования конкретной отрасли.

Наряду с материальными выделяются и процессуальные фикции, выполняющие иные функции: функцию процессуальной экономии и функцию юридических санкций. К тому же если первые регулируют содержательную сторону общественных отношений, создают необходимые для движения правовой материи факты и состояния, то вторые служат в основном для смягчения процессуальных формальностей, закрепляя особый порядок реализации правовых норм.

Под негативными фикциями или фикциями «теневых» технологий следует подразумевать различные фиктивные конструкции, используемые в противоправных целях.

Негативные фикции не менее частое явление, чем легальные фикции, они бытуют во многих сферах жизнедеятельности общества. Фальсификации, инсценировки, фиктивные состояния и явления, фиктивные сделки (мнимые или притворные) – довольно распространенные явления в юридическом быту. В подобных случаях фикции используются как прием теневых технологий, которые производны от норм теневого права. Эти фикции так или иначе входят в сферу права, активно влияют на него, способствуют его изменению, совершенствованию, выступая в виде своеобразного показателя, катализатора несо-

¹ Курсова, О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия. – С. 458.

вершенства тех или иных регуляторов. В частности, распространение разнообразных фиктивных конструкций в сфере правореализации повлекло за собой необходимость включения в гражданское законодательство ранее отсутствующего понятия «фиктивная сделка», в семейное – «фиктивный брак», в уголовное – «фиктивное банкротство».

В отличие от легальных фикций, которые, несомненно, выполняют позитивные функции в праве и, более того, способствуют реальному воплощению общеправовых ценностей в тех или иных отраслях права, фиктивные действия (акты, поступки) и состояния представляют собой негативные явления. Результаты использования фикции как приема теневой технологии различны (в зависимости от умысла лица, использующего фикцию). Наиболее часто встречающимся мотивом следует назвать корыстные побуждения, хотя возможны и другие основания.

Еще одним характерным признаком, отличающим легальные фикции от нелегальных, является тот факт, что первые всегда используются сознательно и открыто.

Таким образом, фиктивным является такое действие или состояние, которое внешне – по правовой форме – отвечает требованиям закона, а по цели и содержанию не соответствует ему вплоть до противоположности. При этом под фиктивным действием следует понимать такой неправомерный юридический факт, который представляет собой результат проявления воли субъекта, направленной на использование той или иной правовой конструкции в целях, не соответствующих или противоречащих ее социальному содержанию.¹

Фиктивные состояния представляют собой сложные неправомерные юридические факты, характеризующиеся относительной стабильностью и длительным периодом существования, в течение которого они могут неоднократно вызывать наступление правовых последствий. В отличие от них фиктивные действия свое юридическое качество проявляют, как правило, однократно, хотя юридические последствия, порожденные ими, сохраняются в течение длительного времени.²

Несмотря на широкое распространение разнообразных проявлений фиктивного в сфере правореализации, общего по-

¹ Курсова, О.А. Фикции в российском праве. – С. 29.

² Там же.

нения, охватывающего все эти явления, имеющие, по сути, одну основу, до сих пор не выработано.

Более того, рамки гражданско-правовых норм о фиктивных сделках оказываются слишком узкими для специфики той или иной отрасли права. Например, в связи с особенностями семейно-правовой фиктивности (фиктивный брак, фиктивный развод, усыновление) назрела необходимость разработки и включения в Семейный кодекс Российской Федерации самостоятельного института недействительности фиктивных семейно-правовых актов и отношений, где были бы предусмотрены нормы об основаниях и последствиях их недействительности, о принципах санации, субъектах права на предъявление иска, выборе вида гражданского судопроизводства и т.п.

Впервые в отечественной судебной практике термин «фиктивный брак» появился в 1949 г., а в семейном законодательстве – только в 1968 г. Появление этого института было вызвано негативными реалиями тогдашней жизни (например, отсутствием возможности иным способом «вырваться» из колхоза или решить проблему жилья). Кстати, в некоторых бывших социалистических странах (Румыния, Югославия) семейное законодательство проблему фиктивных, мнимых, браков урегулировало намного раньше.¹

Так или иначе, но на сегодняшний день это явление нашло законодательное отражение. Правда, теперь фиктивный брак используется для других целей (например, получения вида на жительство).

Хуже обстоит дело с признанием другого сходного явления – «фиктивного развода» – на законодательном уровне. Дело в том, что семейное законодательство насчет него никаких указаний не дает, хотя судебной практике он давно знаком.²

И то, и другое явление имеют ярко выраженный фиктивный характер и некоторые ученые, например Л.П. Короткова, предлагают решать вопрос об ответственности сторон.³ Данная

¹ Ворожейкин, Е.М. Семейное право зарубежных европейских социалистических стран / Е.М. Ворожейкин. – М., 1979. – С. 241.

² Пергамент, А.И. Вопросы семейного права / А.И. Пергамент, И.М. Кузнецова // Комментарий судебной практики за 1987-1988 годы. – М., 1989. – С. 78.

³ Короткова, Л.П. Что таит фиктивный брак? / Л.П. Короткова // Государство и право. – 1993. – № 9. – С. 138, 141-142.

ответственность уже предусмотрена в некоторых европейских странах. Например, за фиктивный брак, целью которого является получение вида на жительство и социальных льгот, в Германии предусмотрена ответственность до трех лет тюрьмы, а также крупный штраф.¹

Можно сконцентрировать свое внимание и на других проявлениях фиктивного, например на мнимых и притворных сделках. По этому поводу в разное время ученые высказывали различные точки зрения.

Так, Д.И. Мейер отождествлял понятие мнимого (фиктивного) и притворного. Однако фиктивное в разной степени проявляется и в притворном, и в мнимом.² Эти понятия следует различать. Если притворное есть обманно выдаваемое за истинное, то мнимое – нечто воображаемое, кажущееся. Г.Ф. Дормидонтов, наоборот, разводил понятия мнимого и притворного, к притворным действиям относя помимо фиктивных состояний, также совершение юридических действий с некоторыми пороками воли: вследствие ошибки, неведения (незнания), обмана. Под мнимыми действиями он понимал форму той или иной юридической процедуры, которая была порождена исключительно формализмом. Мнимые действия содержат в себе фикцию. Как верно отмечал автор, мнимые действия были общепринятыми и признанными законом формами некоторых сделок, и их следует, как и фикции древнего права, отнести к средствам преодоления формализма. Но, являясь более тяжелым и уродливым орудием, чем фикция, они вышли из официального юридического оборота, переместившись в сферу противоправного.³

В современном законодательстве мнимая сделка характеризуется как сделка, совершенная для вида, единственно с целью создать у окружающих мнение, что сделка действительно совершена, хотя на деле реальных правовых отношений между собой стороны создавать не намерены (п. 1 ст. 170 ГК РФ).

Притворные сделки отличаются от мнимых тем, что содержат волеизъявление, направленное на возникновение юридических последствий, однако вовсе не тех, которые указыва-

¹ Германия против фиктивных браков. По материалам сайта zagran.kiev.ua

² Мейер, Д.И. Указ. соч. – С. 21.

³ Дормидонтов, Г.Ф. Указ. соч. – С. 66.

ются в самой сделке. Притворной признается сделка, прикрывающая собой иную сделку, которую стороны в действительности хотели заключить, но не пожелали показать (п. 2 ст. 170 ГК РФ).

Кроме того, О.А. Курсова предлагает также делить фикции¹: по *источнику* на: конституционные; содержащиеся в законах; содержащиеся в подзаконных актах (в том числе ведомственных и локальных);² по *способу выражения* на: сформулированные в виде суждений (отрицательных или утвердительных); сформулированные в виде неопровержимых предположений.

Еще одна классификация правовых фикций содержится в работе К.К. Панько:

1) традиционные (пришедшие из римского права), связанные с противоречиями между нормой, правосознанием, правоотношением и реальной действительностью (прием юридической техники);

2) в праве (правоприменении), когда проблемная ситуация отражается в законе ошибочно либо целям закона не соответствуют нормативно закрепленные средства их осуществления (здесь, думается, автор имеет в виду фиктивные нормы-дефекты):

– объективные и закрытые для субъективных коррекций, когда требуется вмешательство законодателя;

– объективные, но открытые для коррекции (приведение в соответствие с законом подзаконного акта);

– имеющие в своей основе произвол властных структур.

3) диагностического направления – любые фикции (политико-, экономико-, национально-правовые), в том числе и не

¹ Курсова, О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия. – С. 450.

² Вместе с тем правовые фикции возникают не только на уровне национального законодательства, поэтому, на наш взгляд, вполне целесообразно выделить также и фикции, содержащиеся в международно-правовых актах (например, фикции государствоподобных образований или фикция общей воли государств в международном праве; признание лица безвестно отсутствующим в международном частном праве).

включенные в систему действующего законодательства, но исследуемые методами права, поскольку являются весьма значимыми для легализации и правовой квалификации отношений, связанных с изменениями в экономике и политике нашего государства.¹

В немецкой литературе XIX в. существовало также разграничение фикций на исторические (лишь орудие исторического развития права) и догматические (орудие оправдания чрезвычайных юридических правил).²

Таким образом, классификация исследуемых явлений на различные виды не является самоцелью, она позволяет более глубоко исследовать свойства правовых презумпций и фикций. Однако анализ существующих классификаций данных явлений показывает не только актуальность, но и слабую разработанность этой проблемы.

¹ Панько, К.К. Указ. соч. – С. 466-468.

² См.: Щекин, Д.М. Указ. соч. – С. 46.

ГЛАВА 2

МЕСТО ПРАВОВЫХ ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Одним из малоизученных аспектов в исследовании юридических презумпций и фикций является определение их места и роли в механизме правового регулирования.

Однако для того, чтобы сделать это, необходимо первоначально определиться относительно самого механизма правового регулирования: его понятия, структуры.

Особенность понятия «механизм правового регулирования» связана с тем, что оно является системным по своему содержанию, ибо охватывает множество различных по своей природе самостоятельных юридических феноменов, интегрирует, казалось бы, несопоставимые правовые явления в целостное образование.

На сегодняшний день категория «механизм правового регулирования» вполне обоснованно и закономерно занимает одно из центральных мест в курсе «Теории государства и права».

Между тем, несмотря на подобную традиционность, проблемы правового регулирования и его механизма до сих пор остаются в разряде малоисследованных проблем теории права. Сама категория «механизм правового регулирования» разработана недостаточно основательно, информация о ней, представляемая в учебной литературе, зачастую отличается абстрактностью и излишней лаконичностью.

Идею механизма воздействия права на общественную жизнь выдвинул Н.Г. Александров.¹ Но наиболее значимый вклад в разработку этой проблемы внес С.С.Алексеев. Он первым дал определение механизма правового регулирования, понимая под ним «взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения».² Однако, с точки зрения Т.Н. Радько, данное определение имеет один важный не-

¹ См.: Васильев, А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. – М., 1976. – С. 211.

² Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – М., 1966. – С. 30.

достаток – правовое регулирование определяется через правовое воздействие, что не совсем точно, поскольку в первом случае имеется в виду способность права самореализоваться (без дополнительных правовых средств), а во втором – реализация права посредством применения или путем возникновения конкретных правоотношений (без правоприменения).¹ Данные явления, безусловно, тесно связаны между собой, но отнюдь не совпадают, скорее соотносятся как часть и целое. И все же большинство юристов (например, В.Н. Хропанюк и А.В. Малько) рассматривают механизм правового регулирования так же, как и С.С. Алексеев.²

Так, К.В. Шундигов, определяет механизм правового регулирования как взятую в единстве систему всех правовых средств, организованных последовательным образом, при помощи которой обеспечивается результативное специально-юридическое воздействие на общественные отношения.³

Сам Т.Н. Радько определяет механизм правового регулирования в узком смысле как систему правовых средств (элементов), осуществляющих одновременное взаимосвязанное регулирование общественных отношений определенного вида.⁴

Надо отметить, что правовые механизмы – еще достаточно слабо изученные наукой феномены. Однако они есть объективно существующие явления, достаточно распространенные в законодательстве.

Основными характерными признаками механизма правового регулирования являются:

1) механизм правового регулирования по своей природе есть упорядоченная совокупность юридических средств;

2) основное назначение механизма правового регулирования – обеспечить реализацию поставленных законодателем целей правового регулирования;

3) механизм правового регулирования представляет собой организованную, логично выстроенную систему, в которой юридические средства упорядочены особым образом;

¹ Радько, Т.Н. Теория государства и права / Т.Н. Радько. – М., 2001. – С. 306, 314.

² См.: Хропанюк, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Хропанюк. – М., 1995. – С. 341; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. – С. 625.

³ Шундигов, К.В. Указ. соч. – С. 56.

⁴ Радько, Т.Н. Указ. соч. – С. 319.

4) механизм правового регулирования – функционирующая, динамическая система.¹

Кроме того, в юридической литературе нет единого взгляда на внутреннюю структуру механизма правового регулирования, т.е. на систему правовых средств.

С.С. Алексеев считает, что механизм правового регулирования состоит из трех основных элементов или частей: юридических норм, правовых отношений и актов реализации субъективных юридических прав и обязанностей.² А.В. Малько вполне обоснованно добавляет к ним юридический факт и охранительный правоприменительный акт.³ В.А. Шабалин называет в качестве самостоятельного элемента механизма правового регулирования – законность.⁴

Как правильно отмечает Т.Н. Радько, с последней позицией трудно согласиться. То же самое относится и к правосознанию, которое также иногда называют элементом механизма правового регулирования.⁵

В целом вопрос о правильном определении структуры механизма правового регулирования имеет важное значение для нашего исследования. Как и В.Б.Исаков⁶, мы склонны считать, что норма права, правоотношение и акты реализации не исчерпывают механизма правового регулирования.

К.В. Шундигов также считает, что структура механизма правового регулирования складывается из четырех основных звеньев: юридические средства нормативного характера, юридические факты, правовые отношения, юридические средства правореализационной практики.⁷

Прежде чем мы определим, какое конкретное место занимают исследуемые нами правовые явления в механизме правового регулирования, необходимо уяснить, что из себя пред-

¹ Шундигов, К.В. Указ. соч. – С. 56.

² Алексеев, С.С. Указ. соч. – С. 34.

³ См.: Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – С. 627.

⁴ См.: Шабалин, В.А. Системный анализ механизма правового регулирования / В.А. Шабалин // Советское государство и право. – 1969. – № 10. – С. 124-125.

⁵ Радько, Т.Н. Указ. соч. – С. 320.

⁶ См.: Исаков, В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В.Б. Исаков. – М., 1980. – С. 14.

⁷ Шундигов, К.В. Указ. соч. – С. 56.

ставляют данные явления как элементы этого механизма. Несмотря на то что никто из исследователей специально этот вопрос не разрабатывал, так или иначе этот аспект в юридической литературе освещался. При систематизации имеющихся высказываний получится следующая картина – правовые презумпции и фикции:

1) это разновидности или даже отдельные части нормы права (В.И. Каминская, О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский и др.);

2) это способ формулирования гипотезы правовой нормы (Е.Б. Тарбогаева);

3) это нетипичные нормативные предписания (В.М. Горшенев);

4) это специфические разновидности правил (принципов), используемых чаще всего в «нестандартных ситуациях», и занимающих самостоятельное место в общей классификации социальных норм (Н.И. Матузов, А.В. Малько);

5) это технические приемы, т.е. не юридические нормы, применяемые лишь на стадии доказывания, особенно презумпция (Е.В. Васьковский, М.Г. Авдюков, М.К. Трушников);

6) это специфические юридические факты (Л.И. Петражицкий, А.П. Сергеев, Н.Ф. Качур и др.);

7) это средства юридической техники (Ю.Г. Зуев, Е.С. Шугрина и др.), причем, по мнению отдельных ученых (В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик), это средства особого рода.

Не исключены и другие теоретические концепции. Однако и из перечисленного видно, что нет в отечественной науке единой точки зрения на место презумпций и фикций в механизме правового регулирования. Наиболее обоснованной, на наш взгляд, является концепция, рассматривающая презумпции и фикции в качестве средств юридической техники.

Как отмечает Ю.Г. Зуев, «применение презумпций и фикций – это необходимый законодательный прием (средство), используемый при конструировании правовых норм»¹.

Здесь необходимо отметить, что любая человеческая деятельность немыслима без использования для достижения тех или иных целей определенных средств. В широком смысле под **средством** можно понимать такое явление, которое опосреду-

¹ Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 126.

ет процесс претворения идеальной, мысленной модели (цели) в реальный, материальный результат.

В правовой сфере жизни общества должны, очевидно, «работать» особые средства, которые можно обозначить как юридические. Однако к настоящему моменту единство взглядов по вопросу о сущности юридических средств не достигнуто и признаваемое всеми научное определение данных феноменов до сих пор не выработано.

Понятие «правовые средства» можно употреблять достаточно широко, обозначая им самые разнообразные элементы и блоки юридической сферы: правовую систему в целом, правотворческую деятельность или ее отдельные элементы, средства юридической техники, методы правореализационной практики, способы правового толкования и др.

В узком понимании юридические средства представляют собой особый блок регулятивных феноменов правовой системы и выделяются среди остальных средств, применяемых в правовой сфере, специфической природой и особыми функциями.

В качестве специфических черт, присущих нормативным средствам, в юридической литературе выделяются следующие шесть признаков:

1) они обладают специально-юридической природой, являются феноменами сугубо правового характера: они основаны на правовых нормах, облечены в юридическую форму, их применение влечет правовые последствия¹;

2) они выражают информационно-энергетические качества и регулятивные ресурсы права, что придает им особую силу, своеобразную «юридическую энергию», направленную на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов участников правоотношений;

3) они выступают основными работающими частями (элементами) действия права, механизма правового регулирования, правовых режимов (т.е. функциональной стороной права);

¹ Здесь необходимо отметить, что средства юридической техники (правотворческой деятельности), по мнению К.В. Шундикова, не являются правовыми по своей природе и поэтому не могут быть отнесены к средствам юридическим. С данной точкой зрения мы не можем согласиться, т.к. они не просто применяются в праве, но и влекут за собой юридические последствия.

4) они обеспечиваются государством, их отличает гарантированность мерами властного воздействия, ибо реализация регулятивных возможностей права предполагает известную поддержку, требует использования различного рода стимулирующих, защитных, охранительных и карательных механизмов;

5) они приводят к определенным юридически значимым последствиям, конкретным результатам, той или иной степени эффективности или дефектности правового регулирования.¹

Понятие «юридические средства» охватывает довольно широкий класс правовых регуляторов, многообразный спектр феноменов, отличается спецификой природы и структуры, а также конкретными задачами и функциями.

В связи с подобным многообразием правовых средств важное значение в деле их теоретического исследования имеет их научная классификация, позволяющая глубже познать их сущность, выделить наиболее характерные признаки, раскрыть их функциональные свойства и связи с другими юридическими феноменами, а возможно, и выявить их новые аспекты, стороны, черты.

Исследуемые нами явления, согласно классификации К.В. Шундикова, относятся по своей природе к средствам-инструментам; по структуре – к первичным (простым, элементарным), в совокупности своей образующим механизм правового регулирования; по значимости – к вспомогательным, «обслуживающим» основные средства (впрочем, некоторые презумпции, например, презумпцию правознакомства, вполне можно отнести к основным средствам, к принципам); в зависимости от функциональной роли – к регулятивным; по характеру они могут быть и материально-правовыми, и процессуальными; по виду правового регулирования – нормативными (установленные в нормах права); по характеру использования – многократного применения; по значимости – исключительными.²

Однако Ю.Г.Зуев считает, что целые правовые институты, такие как презумпция знания закона или презумпция невиновности, отражающие специализацию права, не могут носить вспомогательный характер.³

¹ Шундинов, В.К. Указ. соч. – С. 32-35; См. также: Малько, А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики / А.В. Малько // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 69.

² Шундинов, К.В. Указ. соч. – С. 40-42.

³ Зуев, Ю.Г. Указ. соч. – С. 128.

Для разрешения этой дискуссии немаловажное значение имеет вопрос: типичными или нетипичными средствами являются рассматриваемые явления. Нетипичные явления несут в себе своего рода незавершенные черты модели: они лишены традиционной логичности нормы, не содержат или почти не содержат некоторых ее естественных элементов, в силу чего выглядят композиционно несовершенными.¹ Ю.В. Блохин даже предлагает ряд критериев нетипичности: особенности структурной организации, синтаксического построения, пространственной компоновки, а также произношения (транскрипции) или написания.² Однако последние три признака совершенно не характерны для исследуемых нами явлений. В остальном же можно согласиться с автором в том, что отступление от существенных параметров типичных нормативных предписаний является основанием для квалификации того или иного предписания в качестве нетипичного. Поэтому нам более близка точка зрения В.К. Бабаева, В.М. Баранова и В.А. Толстика, подразделяющих средства юридической техники на основные (базовые) и особые, и относящих правовые презумпции и фикции к последним.³

¹ Горшенев, В.М. Указ. соч. – С. 114 – 115.

² Блохин, Ю.В. Критерии ограничения нормативных правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний) : дис. ... канд.юрид.наук / Ю.В. Блохин. – М., 1991. – С. 33-34.

³ Бабаев, В.К. Теория права и государства / В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик. – М., 2003. – С. 86.

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ

Хотелось бы обратить внимание еще на одну сторону правовых презумпций и фикций, которая, как правило, не освещается в научных исследованиях. Это социальное значение данных правовых предположений, которое заключается в том, что они возникают, изменяются и прекращаются в зависимости от правовой идеологии общества, когда существует интерес в защите определенных отношений. Как отмечал еще в 1874 г. И. Оршанский: «Правовое сознание общества не может оставаться неизменным, и понятие о том, что справедливее, какие интересы заслуживают преимущественного покровительства закона, постоянно изменяется. Одни правовые предположения в различные эпохи появляются, исчезают и уступают место другим, обыкновенно противоположным предположениям».¹ Так, в средние века в инквизиционном процессе использование презумпции виновности ни у кого не вызывало сомнений, начиная с нового времени взгляды изменились и в уголовном процессе на смену ей пришла презумпция невиновности.

Социальный аспект правовых предположений напрямую связан с оценкой этих явлений не только в обществе, но и в науке. Несмотря на немногочисленность исследований в этой области, в науке можно выделить три точки зрения на роль презумпций и фикций в регулировании правоотношений:

1) они играют исключительно отрицательную роль, т.к. затемняют, запутывают разбирательство дела (Г.С.Мэн², С.А. Муромцев, В.Д. Спасович³, С.А. Голунский⁴, В.С. Тадевосян⁵, В.Д. Арсеньев⁶ и др.);

¹ Оршанский, И.О. О законных предположениях и их значении / И.О. Оршанский // Журнал гражданского и уголовного права. – 1874. – Кн. 4 (июль- август). – С. 21-23.

² Мэн, Г.С. Указ. соч. – С. 22.

³ См.: Левенталь, Я.Б. Указ.соч. – С. 54.

⁴ Голунский, С.А. О вероятности и достоверности в суде. Проблемы уголовной политики / С.А. Голунский. – М., 1937. – Кн. 4. – С. 59.

⁵ Тадевосян, В.С. К вопросу об установлении материальной истины / В.С. Тадевосян // Советское государство и право. – 1948. – № 6. – С. 70.

⁶ Арсеньев, В.Д. О фактах, не подлежащих доказыванию / В.Д. Арсеньев // Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 99-100.

2) они играют сугубо положительную роль, являясь закономерным ответом на требования жизни¹ (школа «чистой теории права»)²;

3) они играют и положительную и отрицательную роль, т.к. у «каждой медали две стороны» (З.М. Черниловский, С.П. Бекешко, Е.А. Матвиенко, К.К. Панько и др.).

Мы придерживаемся последней точки зрения, поэтому позволим себе остановиться на ней подробнее.

Так, С.П. Бекешко и Е.А. Матвиенко отмечают, что использование правовых предположений, наряду с достоинством, имеет и определенные недостатки: «Поскольку презумпции содержат правила, с которыми закон заранее в общей форме связывает обязательные последствия, что в известной мере стесняет свободу внутреннего убеждения как способа оценки доказательств (именно этим авторы объясняют тот факт, что в уголовном процессе имеется ограниченное число презумпций), с другой стороны, использование презумпций в правотворческой и правореализующей деятельности способствует наиболее целесообразному и законному решению дела»³.

По мнению Н.Н. Цуканова, ценность правовой презумпции выражается в том, что она позволяет единообразно и обоснованно разрешить типичную ситуацию неопределенности, обязывая субъекта в определенных условиях признать презюмированный факт установленным (существующим и т.д.). Но, обязывая субъекта признать бездоказательно тот или иной презюмированный факт при установлении (доказывании) факта исходного, правовая презумпция ограничивает действие принципа свободной оценки доказательств и таким образом может угрожать процессу установления материальной истины.⁴

«Палкой о двух концах» является и юридическая фикция. Как отмечает А.В. Цихотский: «Фиктивные правовые положе-

¹ Черниловский З.М. Указ. соч. – С. 104.

² В современной юридической науке нет таких ярых апологетов юридических фикций или презумпций, однако есть исследователи, которые в своих работах акцентируют свое внимание только на положительной роли обоих явлений (И.С. Шабунина, Н.И. Матузов, А.В. Малько, Е.С. Шугрина и др.).

³ Цит. по: Крымов, А.А. Указ. соч. – С. 49.

⁴ Цуканов, Н.Н. О критериях правовой презумпции / Н.Н. Цуканов // Законотворческая техника современной России : в 2 т. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 502.

ния как способ урегулирования отношений predetermined объективной действительностью. Законодатель, вычленив определенные жизненные обстоятельства и придавая им свойства юридического факта, признает за ними силу общеобязательного предписания. Но в этой "предeterminedности" фикций кроется опасность искажения регулируемой реальности. К сожалению, наука и правотворческая практика не всегда осознают эту опасность, "не просчитывают" все социальные и организационно-правовые последствия установления той или иной фикции»¹.

О.А. Курсова также отмечает, что одно из значений фикций в современном праве заключается в их способности к количественному и качественному упрощению нормативного материала, в чем-то способствуя прогрессу права – совершенствованию юридических формулировок, оттачиванию юридических конструкций, технического инструментария, юридического стиля. С другой стороны, она подчеркивает, что в сфере нормализации права фикции могут быть или нейтральны по отношению к праву, или даже противоправны. В последнем случае это – «негативные явления, противоречащие основам правопорядка и нравственности, порождаемые такими отрицательными факторами, как правовой нигилизм, несовершенство законодательства, работы правоохранительных органов и т.п. Фикции такого рода выступают в виде отдельных фактов – актов, поступков (например, фиктивное банкротство, лжесвидетельство, фиктивная сделка, фальсификация документов и т.п.) или фиктивных состояний»². Н.Н. Турусина к таким состояниям, например, относит также фиктивный брак, фиктивный развод, фиктивное усыновление (удочерение), фиктивное признание отцовства и фиктивный раздел общего имущества супругов.³

З.М. Черниловский также подчеркивает, что «неразработанность вопроса о фикциях затрудняет их оценку, но во вся-

¹ Цихотский, А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам / А.В. Цихотский. – Новосибирск, 1997. – С. 283.

² Курсова, О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия. – С. 457-458.

³ Турусина, Н.Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях / Н.Н. Турусина // Правоведение. – 1983. – № 2. – С. 84.

ком случае можно сделать вывод, что как реальный правовой институт, юридическая фикция играет и положительную, и отрицательную роль»¹.

Действительно, в отношении к юридическому лицу на первых этапах формирования этого института она оказалась весьма полезной, поскольку давала необходимое объяснение факту его возникновения и деятельности, на современном же этапе (имеются в виду так называемые «компании 1-го лица») проявляется ее негативный аспект, позволяющий перекладывать юридическую ответственность с физического лица на лицо юридическое. Не зря в ряде стран был поставлен вопрос о привлечении юридических лиц не только к гражданско-правовой и административной, но и к уголовной ответственности.²

В подобных случаях, как отмечает З.М. Черниловский, главное в том, чтобы «отделить юридические фикции, служащие прогрессу права, от таких, которые мешают».³

Е.Ю. Веденеев придерживается аналогичных взглядов, подчеркивая, что на сегодняшний день особенно актуальной в законотворческой деятельности является «разработка, формулирование новых и отказ от "неработающих" презумпций».⁴

Как бы то ни было, бесспорно одно: право динамично, динамичны и применяемые в нем приемы.

Являясь порождением формализма древней юриспруденции, презумпции и фикции «пережили» эту эпоху и, не изменив свою природу, получили новое значение в правовом быту. Они, следуя изменяющимся требованиям юридической практики, «выросли» из предшествующих им форм и доказали потенциал, возможности, эффективность использования. Кроме того, не следует забывать, что прогресс в праве невозможен без преемственности в области правовых идей. Вряд ли оправданно безоглядно уповать на правоту времени, которое, мол, рано или поздно все «расставляет по местам». Нередко приго-

¹ Черниловский, З.М. Указ. соч. – С. 105.

² См.: Веденеев, И.В. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности юридических лиц / И.В. Веденеев // Законотворческая техника : в 2 т. – Н. Новгород, 2001. – Т. 2. – С. 182; Крылова, Н.Е. Основания привлечения юридического лица к уголовной ответственности во французском законодательстве / Н.Е. Крылова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1998. – № 5. – С. 61 – 86.

³ Черниловский, З.М. Указ. соч. – С. 105.

⁴ Веденеев, Е.Ю. Указ. соч. – С. 49.

вор времени бывает столь же категоричен, безапелляционен, сколь и несправедлив. «Правоту времени» обосновывают все же люди, которые способны то «оживлять» память о ранее сделанном тем или иным ученым, то «омертвлять» ее общими сносками на его труды. Динамика развития общества обуславливает динамику развития права. Различные факторы, воздействующие на развитие общества, вызывают к жизни те идеи, концепции, которые, казалось бы, навсегда утратили свою ценность. Все это в полной мере относится и к юридическим презумпциям и фикциям. По мнению Г.Ф. Дормидонтова, именно очень важная историческая роль этих явлений в прошлом указывает на то, что «нет надобности и в настоящее время законодательству и науке отказываться от этого средства, которое оказало такие важные услуги человечеству»¹.

Более того, в современном обществе при его таком интенсивном развитии тратить драгоценное время на ненужную работу по непрерывному решению вопросов, разрешенных до нас людьми, было бы нецелесообразно. Презумпции и фикции являются результатом уже наработанных знаний, наблюдений, из которых собирается наследие, передаваемое последующим поколениям. Все это, по мнению Р. Гарро, позволяет правоприменителю не «изобретать велосипед» каждый раз.²

В.М. Баранов подчеркивает, что «объективным критерием действительной социальной ценности тех или иных явлений выступает их историческая необходимость, историческая оправданность»³.

В связи с этим хотелось бы отметить, что исследуемые нами явления – не идеальные правовые институты, но поскольку они просуществовали до наших дней и имеют широкую сферу применения, следовательно, ничего лучшего пока не было предложено юридической наукой. Как отмечал З.М. Черниловский, у этих явлений «слишком давняя и обширная область применения, чтобы относиться к ним с пренебрежением»⁴.

¹ Дормидонтов, Г.Ф. Указ. соч. – С. 134.

² См.: Каминская, В.И. Указ. соч. – С. 7.

³ Баранов, В.М. Истинность норм советского права (проблемы теории и практики) : дис. ... докт.юрид.наук. – Горький, 1990. – С. 263.

⁴ Черниловский, З.М. Указ. соч. – С. 105.

Для того чтобы подтвердить данный вывод, уточним, в чем именно выражается социальное значение этих явлений. Так, основное значение презумпций состоит в следующем:

1) презумпции выступают в качестве способа, облегчающего достижение истины. Многие презумпции являются продуктом многовековой практической мыслительной деятельности, и использование их освобождает от необходимости повторять вновь те же мыслительные процессы. В этом отношении такие презумпции являются ценным достоянием общественного развития;

2) отражая закономерности развития предметов и явлений, типичные связи между ними, презумпции тем самым создают возможность использования их при оценке аналогичных предметов или явлений с точки зрения существования или несуществования последних.¹

Основное же значение фикций состоит в том, что:

1) они не только способствуют преодолению неопределенности в правовом регулировании, но и заполняют правовой вакуум, вызванный временным разрывом между правом необходимым и правом наличным, когда общество стремительно усложняется и развивается, а право остается на месте, и ликвидируемый только путем правотворчества;²

2) даже негативные фикции могут играть позитивную роль, выступая в виде своеобразного показателя, катализатора несовершенства тех или иных регуляторов.³

Рассмотрим еще один нюанс исследуемых явлений. Дело в том, что в русском языке слово «значение» трактуется не только как «сущность» или «важность», но и как «роль» («социальное значение» — «социальная роль»)⁴.

А «социальная роль» трактуется Т. Парсонсом как структурно организованное, т.е. нормативно регулируемое участие одного элемента в конкретном процессе социального взаимодействия с другими элементами, характеризуемое также роле-

¹ Бабаев, В.К. Указ. соч. – С. 12.

² Малиновский, А.А. Правовой вакуум – новый термин юридической науки / А.А. Малиновский // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 109-110.

³ Курсова, О.А. Фикции в российском праве. – С. 13, 28.

⁴ Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М., 1978. – Т. 1. – С. 689.

вым ожиданием общества и ролевым исполнением (возможностью), между которыми никогда не бывает полного совпадения. Кроме того, одному и тому же элементу в разных ситуациях могут соответствовать разные роли (как положительная, так и отрицательная). Роль не зависит от индивидуальных особенностей элемента и объективно обуславливается потребностями и интересами общества.¹

Так, как бы ни противоречила истине фикция, если так выгодно обществу, она будет «взята на вооружение» и получит положительную оценку в конкретный исторический период.

Итак, правовые презумпции выполняют следующие роли:

1) в ситуации неопределенности – способа установления обстоятельств дела;

2) в процессе доказывания – способа уточнения распределения обязанностей по доказыванию;

3) кроме того, они имеют основополагающее значение для построения любой отрасли права, а также отдельных ее институтов, поэтому некоторые ученые видят сходство общеправовых презумпций с принципами права²;

4) они используются для преодоления противоречий законодательства в процессе правоприменения.³

Юридические фикции также выполняют ряд ролей:

1) в ситуации невозможной неизвестности (неопределенности) – роль недостающего юридического факта;

2) в процессе доказывания – формального доказательства, не имеющего значения для познания объективной истины;

3) кроме того, они служат средством совершенствования юридического состава, за счет своей способности количественно и качественно упрощать нормативный материал;

4) они также используются для разрешения коллизий в праве.⁴

¹ См.: Борисова, Л.Г. Социология личности / Л.Г. Борисова, Г.С. Солодова. – Н. Новгород, 1997. – С. 15 – 16.

² См.: Бабаев, В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике / В.К. Бабаев // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – С. 327-328.

³ Зуев, Ю.Г. Указ.соч. – С. 151.

⁴ Коврига, З.Ф. Политические и правовые коллизии, конфликты, фикции / З.Ф. Коврига, К.К. Панько // Правовая наука и реформа юридического образования. Вып. 4. – Воронеж, 1996. – С. 49-64.

Можно также рассматривать социальное значение данных институтов с точки зрения выполняемых ими функций, под которыми принято понимать основные направления деятельности.

Так, К.В. Шундиков считает, что все юридические средства (в т.ч. презумпции и фикции) выполняют следующие восемь функций: регулятивную; охранительную; мотивационную; культурно-воспитательную; достижение целей правового регулирования; оформления юридических моделей социальных отношений; стимулирующую; внесения цивилизованности в социальное регулирование.¹

В юридической науке принято разделять функции права (а также его отдельных элементов) на специально-юридические (регулятивная и охранительная) и общесоциальные (остальные).²

По мнению К.В.Шундикова, исследуемые нами явления выполняют функцию юридических моделей социальных отношений, ибо она свойственна главным образом средствам-инструментам как субстанциональным феноменам и выражается в том, что данные средства особым образом оформляют как наиболее важные объективно существующие социальные связи, закрепляют их идеальные, должные модели.

Жан-Луи Бержель считает, что юридические вымыслы³, к которым он относит правовые презумпции и фикции, выполняют две функции: историческую и догматическую.

Историческая функция, по его мнению, выражается в том, что вымысел позволяет ввести в жизнь общества новые юри-

¹ См.: Шундиков, К.В. Указ. соч. – С. 51 – 53.

² См.: Радько, Т.Н. Основные функции социалистического права / Т.Н. Радько. – Волгоград, 1970. – С. 38 – 42; Он же. Функции права // Общая теория права / Т.Н. Радько. – Н. Новгород, 1993. – С. 275 – 279.

³ Под юридическим вымыслом автор понимает прием юридической техники, при помощи которого рассматривается ситуация, явно не соответствующая действительности, и который позволяет вывести из нее юридические следствия, отличные от тех, которые вытекали бы из простой констатации фактов. Вымысел состоит в том, чтобы подчинить как-то социальную реальность власти ума, погружая эту реальность в рамки относительно искусственного концепта. Это «сознательное искажение действительности», предназначенное для того, произвести полезные результаты. – См.: Бержель, Ж.-Л. Указ. соч. – С. 516.

дические правила. Он служит как бы примером расширения существующего права, соединяя будущее с прошлым.

Догматическая функция состоит в том, что юридические вымыслы поддерживают статичность права: «вымысел – это своего рода дань уважения юридическим принципам»¹.

В более общем смысле юридические вымыслы, по мнению Ж.-Л. Бержеля, выполняют функции юридической техники за счет своей догматической и механической полезности (например, обратная сила) и функции юридической политики, которые в разных случаях могут проявляться как исторические и телеологические. В силу своей телеологической функции юридические вымыслы могут защитить некоторые институты, принципы, ценности или содействовать их развитию (например, презумпция отцовства сохраняла семью как базовую ячейку общества).²

Однако юридические вымыслы – искусственные приемы права, которые искажают, иногда вплоть до полного отрицания, реальные факты. Поэтому Ж.-Л. Бержель вполне законно ставит вопрос о вреде и пользе вымыслов, отмечая, что еще Ф. Жени подчеркивал необходимость уметь избегать перегибов, чтобы искажение реальности не выходило за рамки жизненных потребностей. Сам Ж.-Л. Бержель пишет: «Право очень часто заменяет реальность вымыслом, и в этом нет ничего ненормального»³.

В.М. Горшнев отмечает за правовой презумпцией и фикцией как минимум две функции: регулятивную и стабилизирующую. По мнению В.М. Горшенева, регулятивное воздействие презумпции проявляется главным образом в том, что она как бы нацелена на оптимальный поиск и достижение результата по рассматриваемому делу, регулятивная же функция фикции состоит в том, что с ее помощью обеспечивается определенная устойчивость принятого акта применения права в ситуации, когда обнаруживается невозможная иными средствами неизвестность. Однако, как отмечает автор, эта функция является в правовом регулировании субсидиарной (вспомогательной).⁴

¹ Бержель, Ж.-Л. Указ. соч. – С. 522.

² Там же. – С. 521 – 523.

³ Бержель, Ж.-Л. Указ. соч. – С. 517, 524.

⁴ Горшнев, В.М. Указ. соч. – С. 117.

Стабилизирующая же функция презумпций и фикций по отношению к обществу, как отмечала еще В.И. Каминская, заключается в том, что они используются в качестве приема для подведения новых явлений юридического быта под старые нормы, способствуя стабилизации общественных отношений.¹

Таким образом, как бы мы ни трактовали понятие «социального значения» правовых презумпций и фикций, ясно одно: они далеко не исчерпали себя (хотя и требуют определенной модификации и содержательного развития), поэтому не стоит «списывать их со счетов». Они есть меньшее зло по сравнению с тем произволом, который воцарился бы при их отсутствии. Хотя, конечно, формализм правовой системы может быть доведен до абсурда именно благодаря их обилию.

¹ Каминская, В.И. Указ. соч. – С. 47.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Право – явление довольно многомерное, поскольку в его понимании можно обнаружить различные грани. Одна из них отражает сочетание типичных, другая – нетипичных правовых регуляторов. К числу последних мы относим правовые презумпции и фикции. Это настолько своеобразные явления, что в современной юридической науке нет единства мнений даже относительно понятийно-теоретического аппарата и сущности рассматриваемых явлений.

На первый взгляд, правовые презумпции и фикции могут показаться чрезвычайно близкими явлениями, так как и те, и другие, по сути, являются предположениями, получают нормативное закрепление, выступают в качестве средств юридической техники и применяются в ситуации, когда другие средства исчерпаны. Однако при более пристальном рассмотрении между ними обнаруживаются и существенные различия в способе образования, характере, возможности опровержения, роли, функциям, значении, форме выражения в правовых нормах, специфике их взаимодействия.

То есть правовые презумпции и фикции – явления, сходные в отдельных моментах, но не тождественные. Так, правовая **презумпция** – это прямо или косвенно закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на эмпирических, логических и теоретических обобщениях и выступающее в качестве средства процессуальной экономии, в то время как правовая **фикция** – это предположение, при помощи которого конструируется заведомо не существующее положение, признаваемое существующим и обладающее императивностью, играющее роль недостающего юридического факта в ситуации невосполнимой неизвестности и закрепленное нормой права.

Итак, правовые презумпции и фикции – это не вполне типичные средства, чаще всего используемые в «нестандартных ситуациях». Их нетипичность связана с их структурой, ролью и местом в механизме правового регулирования. Они способны привести как к положительным, так и к отрицательным результатам. Однако последнее обстоятельство не должно мешать правильной оценке их значения в правовом регулирова-

нии. Таким образом, на сегодняшний день фикции и презумпции получили новое значение в правовом быту. Они, следуя изменяющимся требованиям юридической практики, «выросли» из предшествующих им форм и доказали потенциал, возможности, эффективность использования. А это еще раз указывает на то, что нет никакой надобности на сегодняшний день отказываться от этих средств правового регулирования.

В связи с этим хотелось бы еще раз заметить, что исследуемые нами явления – не идеальные правовые институты, но поскольку они просуществовали до наших дней и имеют широкую сферу применения, их изучение должно стать предметом более пристального внимания.

Резюмируя изложенное, еще раз подчеркнем, что наше исследование не может претендовать на бесспорность и исчерпывающий характер рассмотрения данной темы, ибо она имеет множество аспектов и нуждается в дальнейшей разработке.

Более того, эти явления «бытуют» на всех уровнях существования права, влияют друг на друга, даже порождают друг друга в некоторых случаях. Этот факт еще раз показывает необходимость комплексного исследования презумпций и фикций, а также других предложений в праве, создание единой концепции роли и места правовых предложений в механизме правового регулирования общественных отношений.

Надеемся, что наше первоначальное «погружение» в эту сферу будет способствовать развитию теории правовых предположений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные акты

Гражданский кодекс РФ.

Семейный кодекс РФ.

Утратившие силу

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ.

О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ : Федеральный закон от 10 июля 1999 г.

О подоходном налоге с физических лиц : Закон РСФСР от 7 декабря 1991 г. (в ред. от 10 янв. 1997 г.).

Монографии

1. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – М., 1966. – 280 с.

2. Бабаев, В.К. Презумпции в советском праве / В.К. Бабаев. – Горький, 1974. – 124 с.

3. Бабаев, В.К. Теория права и государства / В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик. – М., 2003. – 256 с.

4. Васильев, А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. – М., 1976. – 264 с.

5. Винберг, А.И. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе / А.И. Винберг. – М., 1956. – 291 с.

6. Голунский, С.А. О вероятности и достоверности в суде. Проблемы уголовной политики / С.А. Голунский. – М., 1937. – Кн. 4. – 259 с.

7. Горский, Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. – Воронеж, 1978. – 336 с.

8. Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В.М. Горшенев. – М., 1962. – 254 с.

9. Горшенев, В.М. Участие общественных организаций в правовом регулировании / В.М. Горшенев. – М., 1963. – 380 с.

10. Дормидонтов, Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикции / Г.Ф. Дормидонтов. – Казань, 1895. – 286 с.

11. Исаков, В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В.Б. Исаков – М., 1980. – 440 с.
12. Каминская, В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В.И. Каминская. – М., 1948. – 131 с.
13. Клейнман, А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе / А.Ф. Клейнман. – М., 1950. – 269 с.
14. Копнин, А.В. Логические основы науки / А.В. Копнин. – Киев, 1958. – 250 с.
15. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М., 1980. – Т. 29. – 258 с.
16. Мейер, Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях / Д.И. Мейер. – Казань, 1854. – 304 с.
17. Мэн, Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям / Г.С. Мэн. – СПб., 1873. – 247 с.
18. Ойгензихт, В.А. Презумпции в советском гражданском праве / В.А. Ойгензихт. – Душанбе, 1976. – 119 с.
19. Радько, Т.Н. Функции права // Общая теория права / Т.Н. Радько. – Н. Новгород, 1993. – 380 с.
20. Радько, Т.Н. Основные функции социалистического права / Т.Н. Радько. – Волгоград, 1970. – 420 с.
21. Сандевуар, П. Введение в право / П. Сандевуар. – М., 1994. – 574 с.
22. Смирнов, П.В. Неологизмы в уголовном процессе / П.В. Смирнов. – М., 1999. – 104 с.
23. Флетчер, Дж. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А.В. Наумов. – М., 1998. – 216 с.
24. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1996. – Т. 2. – 452 с.
25. Цихотский, А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам / А.В. Цихотский. – Новосибирск, 1997. – 286 с.
26. Шундигов, К.В. Механизм правового регулирования / К.В. Шундигов ; под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2001. – 104 с.
27. Щекин, Д.М. Юридические презумпции в налоговом праве / Д.М. Щекин. – М., 2002. – 254 с.
28. Юдельсон, К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе / К.С. Юдельсон – М., 1951. – 367 с.

Справочная и учебная литература

29. Алексеев, П.В. Философия / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М., 1996. – 350 с.
30. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М., 1981. – Т. 1. – 210 с.; Т. 2. – 246 с.
31. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М., 1995. – 263 с.
32. Асмус, В.Ф. Логика / В.Ф. Асмус. – М., 1947. – 320 с.
33. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права : пер. с франц. / Ж.-Л. Бержель ; под общ. ред. В.И. Даниленко. – М., 2000. – 576 с.
34. Большая советская энциклопедия. – М., 1975. – Т. 30. – 616 с.
35. Борисова, Л.Г. Социология личности / Л.Г. Борисова, Г.С. Солодова. – Новгород, 1997. – 50 с.
36. Брушлинский, А.В. Мышление // Общая психология / А.В. Брушлинский. – М., 1968. – 377 с.
37. Введение в философию : в 2 т. – М., 1989. – Т. 1. – 367 с.; Т. 2. – 630 с.
38. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М., 1978. – Т. 1. – 889 с.
39. Иванов, Е.А. Логика / Е.А. Иванов. – М., 1996. – 410 с.
40. Ивлев, Ю.В. Логика / Ю.В. Ивлев. – М., 1992. – 349 с.
41. Комаров, А.С. Общая теория государства и права в схемах и определениях / А.С. Комаров. – М., 1998. – 485 с.
42. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / под ред. М.К. Треушникова. – М., 1996. – 690 с.
43. Краткий словарь иностранных языков / гл. ред. С.М. Локшина. – М., 1978. – 518 с.
44. Краткий словарь по логике / под ред. Д.П. Горского. – М., 1991. – 336 с.
45. Криминалистика: краткая энциклопедия. – М., 1993. – 412 с.
46. Культурология : курс лекций / под ред. А.А. Радугина. – М., 1999. – 304 с.
47. Малый толковый словарь. – М., 1990. – 627 с.
48. Общая теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. – М., 1994. – 360 с.
49. Общая теория права. : курс лекций. – Н. Новгород, 1993. – 363 с.

50. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1998. – 760 с.
51. Основы философских знаний. – М., 1966. – 150 с.
52. Радько, Т.Н. Теория государства и права / Т.Н. Радько. – М., 2001. – 416 с.
53. Словарь иностранных слов. – М., 1979. – 624 с.
54. Словарь русского языка : в 3 т. – М., 1983. – Т. 3. – 749 с.
55. Словарь русского языка : в 4 т. – М., 1981. – Т. 1. – 696 с.
56. Словарь русского языка : в 4 т. – М., 1985. – Т. 1. – 697 с.; Т. 4. – 637 с.
57. Старченко, А.А. Логика / А.А. Старченко, В.И. Кириллов. – М., 1995. – 424 с.
58. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. – 672 с.
59. Толковый словарь русского языка. – М., 1994. – 554 с.
60. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.И. Уманова. – М., 1993. – 546 с.
61. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя. – М., 1975. – 730 с.
62. Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – 834 с.
63. Философский энциклопедический словарь. – М., 1995. – 800 с.
64. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – М., 1983. – 826 с.
65. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Хропанюк. – М., 1995. – 356 с.
66. Шугрина, Е.С. Техника юридического письма / Е.С. Шугрина. – М., 2001. – 272 с.
67. Энциклопедический юридический словарь. – М., 1997. – 668 с.
68. Юридический словарь / гл. ред. П.И. Кудрявцев. – М., 1956. – Т. 2. – 663 с.
69. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. – М., 1987. – 780 с.

Стать и тезисы в сборниках и юридической литературе

70. Арсеньев, В.Д. О фактах, не подлежащих доказыванию / В.Д. Арсеньев // Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 97-100.

71. Бабаев, В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике / В.К. Бабаев // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – С. 323-330.

72. Баранов, В.М., Курсова, О.А. Запоздалые заметки о правовых фикциях. Обзорная рецензия классических трудов Д.И. Мейера, Г.С. Мэна, Г.Ф. Дормидонтова / В.М. Баранов, О.А. Курсова // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – С. 783-802.

73. Богданов, Е.В. Сущность и ответственность юридического лица / Е.В. Богданов // Государство и право. – 1997. – № 10. – С. 97-101.

74. Варьяс, М.Ю. К вопросу об юридическом лице как правовой фикции / В.К. Бабаев // Законотворческая техника современной России : в 2 т. – Н. Новгород, 2001. – Т. 2. – С. 118-128.

75. Веденеев, Е.Ю. Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве / Е.Ю. Веденеев // Государство и право. – 1998. – № 2. – С. 43-49.

76. Веденеев, И.В. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности юридических лиц / И.В. Веденеев // Законотворческая техника : в 2 т. – Н. Новгород, 2001. – Т. 2. – С. 179-183.

77. Горшенев, В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве / В.М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113-118.

78. Государство и право. – 1999. – № 7. – С. 93-96.

79. Жуари, Ж.-П. Истина и заблуждение / Ж.-П. Жуари // Вопросы философии. – 1987. – № 4. – С. 127-129.

80. Коврига, З.Ф. Политические и правовые коллизии, конфликты, фикции / З.Ф. Коврига, К.К. Панько // Правовая наука и реформа юридического образования. – Воронеж, 1996. – Вып. 4. – С. 49-64.

81. Короткова, Л.П. Что таит фиктивный брак? / Л.П. Короткова // Государство и право. – 1993. – № 9. – С. 137-142.

82. Красавчиков, О.А. Сущность юридического лица / О.А. Красавчиков // Советское государство и право. – 1976. – № 1. – С. 47-55.

83. Крылова, Н.Е. Основания привлечения юридического лица к уголовной ответственности во Французском законодательстве / Н.Е. Крылова // Вестник Московского университета. – 1998. – № 5. – Серия 11. Право. – С. 69-81.

84. Курсова, О.А. Юридические фикции современного российского права / О.А. Курсова // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – С. 450-459.

85. Левенталь, Я.Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе / Я.Б. Левенталь // Советское государство и право. – 1949. – № 6. – С. 53-57.

86. Малиновский, А.А. Правовой вакуум – новый термин юридической науки / А.А. Малиновский // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 109-112.

87. Малько, А.В. Механизм правового регулирования / А.В. Малько // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 57-62.

88. Малько, А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики / А.В. Малько // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 69-74.

89. Манов, Г.Н. Аксиомы в советской теории права / Г.Н. Манов // Советское государство и право. – 1986. – № 9. – С. 29-36.

90. Муромцев, Г.И. Юридическая техника (некоторые теоретические аспекты) / Г.И. Муромцев // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 12-18.

91. Ойгензихт, В.А. Понятие гражданско-правовой презумпции / В.А. Ойгензихт // Советское государство и право. – 1975. – № 10. – С. 25-33.

92. Оршанский, И.О. О законных предположениях и их значении / И.О. Оршанский // Журнал гражданского и уголовного права. – 1874. – Кн. 4 (июль – август).

93. Панько, К.К. Юридические фикции в современном российском праве / К.К. Панько // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2001. – С. 459-470.

94. Пугинский, Б.И. О норме права / Б.И. Пугинский // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1999. – № 5. – С. 23-27.

95. Свинцов, В.И. Заблуждение, ложь, дезинформация (соотношение понятий и терминов) / В.И. Свинцов // Философские науки. – 1982. – № 1. – С. 76-84.

96. Свинцов, В.И. К вопросу о соотношении понятия «истина» и «художественная правда» / В.И. Свинцов // Философские науки. – 1984. – № 4. – С. 60-64.

97. Сериков, Ю.А. Классификация презумпций в науке гражданского процессуального права / Ю.А. Сериков // Арбитражный процесс. – 2004. – № 5. – С. 18-25.

98. Тадевосян, В.С. К вопросу об установлении материальной истины / В.С. Тадевосян // Советское государство и право. – 1948. – № 6. – С. 68-74.

99. Тарусина, Н.Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях / Н.Н. Тарусина // Правоведение. – 1983. – № 2. – С. 82-85.

100. Хохлов, Е.Б., Бородин, В.В. Понятие юридического лица: история и современная трактовка / Е.Б. Хохлов, В.В. Бородин // Государство и право. – 1993. – № 9. – С. 152-158.

101. Цуканов, Н.Н. О критериях правовой презумпции / Н.Н. Цуканов // Законотворческая техника : в 2 т. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 502-510.

102. Черданцев, А. Можно оспорить и мнение / А. Черданцев // Российская юстиция. – 1997. – № 4. – С. 51-57.

103. Черниловский, З.М. Презумпции и фикции в истории права / З.М. Черниловский // Советское государство и право. – 1984. – № 1. – С. 99-105.

104. Чернобель, Г.Т. Структура норм права и механизм их действия (логические аспекты) / Г.Т. Чернобель // Правоведение. – 1983. – № 6. – С. 40-47.

105. Шабалин, В.А. Системный анализ механизма правового регулирования / В.А. Шабалин // Советское государство и право. – 1969. – № 10. – С. 121-125.

106. Шабунина, И.С. О значении презумпций в гражданском процессуальном праве / И.С. Шабунина // Российский юридический журнал. – 1999. – № 4. – С. 84-89.

107. Эрделевский, А. Утверждение о факте и выражение мнения – понятия разного рода / А. Эрделевский // Российская юстиция. – 1997. – № 6. – С. 16-20.

Диссертации и авторефераты

108. Бабаев, В.К. Логические проблемы социалистического права : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / В.К. Бабаев. – М., 1980. – 422 с.

109. Баранов, В.М. Истинность норм советского права (проблемы теории и практики) : дис. ... докт. юрид. наук / В.М. Баранов. – Горький, 1990. – 420 с.

110. Блохин, Ю.В. Критерии ограничения норм-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний) : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Блохин. – М., 1991. – 181 с.

111. Воложанин, В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.П. Воложанин/ – Свердловск, 1953. – 25 с.

112. Зуев, Ю.Г. Презумпции в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Г. Зуев. – Ярославль, 2000. – 161 с.

113. Крымов, А.А. Правовые презумпции в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Крымов. – М., 1999. – 206 с.

114. Курсова, О.А. Фикции в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Курсова. – Н. Новгород, 2001. – 32 с.

115. Пьянов, Н.А. Истина в правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Пьянов. – М., 1987. – 204 с.

План издания №13

Наталья Александровна Никиташина

**ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ
В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Монография

Печатается в авторской редакции
Технический редактор М.Н.Киценко

СЭЗ № 24.49.07.953 П 000315.07.03 от 21.07.2003

Подписано в печать _____
Формат Р 60x84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл.печ. листов 5,8 (4,73 усл.изд.л.).
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.